

А. Югина

КУЯШСКИЙ ВАМПИРЛЕН

16+

Анастасия Юдина
Куяшский Вамперлен

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Юдина А.

Куяшский Вамперлен / А. Юдина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Добро пожаловать в Крутой Куяш – не приметное русское село, где у священного озера колосится волшебная трын-трава, лениво посасывает кровь домашнего скота таинственное чудовище, а снегом среди лета никого не удивишь. Гостей здесь любят, но это не взаимно, потому приезжих в Куяше маловато. Аня Иванова-Кротопупс – редкое исключение. Наплевав на предрассудки, замученная жизнью ботанша решает переехать в аномальную зону. И не беда, что со спокойной жизнью в Куяше беда: отдохнуть можно и на пенсии, а молодость – она для приключений.

© Юдина А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Глава 1 Крутой Куяш

Я опустила чемодан на землю, с тяжёлым сердцем вглядываясь в скрытую метелью низину. Крутой Куяш, посёлок, где проживала моя двоюродная тётя и где отныне собиралась поселиться я, приветствовал меня промозглым ветром и гололёдом. И это-то в середине июля...

Осмотревшись и не обнаружив вокруг ни единой живой души, я села на чемодан и, подгоняемая ветром, покатила с холма. Не то, чтобы столь экстремальный способ передвижения мне нравился, но выбора не оставалось: от вокзала до села путь неблизкий, а солнце уже примерялось к горизонту, словно сказочная жар-птица к жёрдочке. Разгуливать же по Куяшу после наступления темноты мог позволить себе только человек с очень крепкими нервами: по словам тёти в окрестном озере обитало неизвестное науке чудище, которое каждую ночь навевалось на один из дворов, дабы испить кровушки домашнего скота. И хотя родственница клятвенно уверяла, что ещё ни одно животное от укусов местной «чупакабры» не сдохло, а людей она и вовсе не трогает, мне всё-таки хотелось обойтись без личного знакомства.

Дом тёти отыскать удалось легко: расположенный на самой окраине села, он в точности соответствовал тому описанию, которое я получила по телефону. Калитка была распахнута и подперта куском кирпича. Пару минут я в нерешительности топталась возле неё – вдруг всё-таки ошиблась? – но затем, убедившись, что поблизости не наблюдается больше ни одного белого кирпичного домика, обнесённого полутораметровым деревянным забором зелёного цвета, прошла сквозь небольшой ухоженный садик, поднялась на крыльцо и бойко постучала в дверь.

– Анечка, наконец-то! – Дородная румянощёкая женщина заключила меня в объятия.

– Тётя, задушишь! – сдавленно прохрипела я.

Родственница отстранилась и с любовью заглянула мне в лицо.

– Как добралась?

– Нормально. – Я одёрнула юбку, прикрывая ссадину на голени. – Не ожидала, правда, такой погоды. Даже одежды тёплой не захватила.

– Да не переживай, у нас тут погода хоть и капризная, но отходчивая. Завтра всё устаканится. – Тётя задорно подмигнула, схватила мой чемодан и, с не свойственной женщинам её возраста расторопностью, поволокла его наверх, в предназначавшуюся мне комнату.

– Тётя, ну что вы, я сама! Он же тяжёлый! – Несмотря на то, что в отличие от родственницы не была обременена поклажей, я с трудом поспедала за ней.

– Не волнуйся, деточка, – засмеялась женщина. – У нас в селе даже дед столетний вам, молодёжи городской, фору даст – всё благодаря целебной травке.

Про «волшебную» куяшскую трын-траву я уже слышала от тёти по телефону: мол, растёт вокруг местного озера трава дивная, чудодейственная, и всяк, кто настойки из неё отведаёт, силой великой и здоровьем богатырским исполняется. Тогда я восприняла слова родственницы скептически, но теперь, глядя на неё, начала сомневаться в собственной правоте.

Тётя толкнула дверь, и мы оказались в небольшой, но уютной комнатке. Вдоль левой стены стояли кровать и письменный стол, вдоль правой – платяной шкаф с большим мутным зеркалом на створке и кресло-качалка. Последнюю, противоположную входу стену занимало окно.

– Ужинать чем будешь? – взгромоздив чемодан на кровать, хлопотливо спросила родственница. – Есть борщ, есть картошка с котлетами, есть...

– Спасибо тёть, – перебила я, – но сегодня уже вряд ли что влезет.

– Тогда чай с пирожками.

– Тётя, правда ничего не хочу. Только спать.

– Ну раз так, отдыхай, не буду мешать. – Пожелав мне приятного сна, родственница выскользнула из комнаты.

Я умиротворённо зевнула и подошла к приоткрытому окну. Прохладный ночной воздух пахнул в лицо. Метель стихла и, если б не бодро капающие под карнизом сосульки, ничто не напоминало бы о странных заморозках посреди лета, свидетельницей которых мне довелось стать.

Рассмотреть в темноте хоть что-то интересное решительно не удавалось, посему я закрыла окно на все шпингалеты, дабы не провоцировать чудовище на приветственный визит, и, присев на кровать, начала расчёсывать свои длинные светлые волосы. Хотя саму меня красавицей нельзя было назвать – слегка круглолицая девушка типичной славянской наружности, сероглазая, среднего роста, в меру упитанная, в меру стройная, – но косой я гордилась. В детстве мне, правда, пришлось из-за неё несладко: мальчишки постоянно дёргали, думая, что это привязанный к голове канат. Зато девочки смотрели с откровенной завистью. Да и сейчас, если окружающие чем-то и восхищаются во мне, так это волосами.

– Спокойной ночи! – Заглянувшая в спальню тётя прервала мои размышления о шевелюре.

– Спокойной ночи, – отозвалась я и, взглянув на часы, поняла, что действительно уже давно пора спать.

Новый день встретил меня ярким солнечным светом, пробивающимся между шторами. Сладко потянувшись, я открыла глаза и села на кровати, впервые за долгое время чувствуя себя отдохнувшей. И без того прекрасное настроение улучшилось, когда, спустившись на кухню, я обнаружила, что там меня поджидает завтрак: румяные блины со сметаной. Тётя было собралась перекусить за компанию, но, едва она устроилась за столом, пришла соседка, и теперь они оживлённо о чём-то беседовали в прихожей. Попытка проскользнуть мимо незамеченной успехом не увенчалась.

– Здравствуй, Анечка! – просияла гостя. – А мы тебя давно ждём. Марья Павловна столько о тебе рассказывала!

– Угу, – смущённо выдавила я.

– Нравится тебе у нас? – заискивающе продолжила соседка.

– Угу, – опять невнятно буркнула я, поражаясь собственной немногословности.

– А я Вадьку своего попросила, чтобы он всё тебе здесь показал. Ему тоже двадцать, так что вы быстро споётесь. – Соседка украдкой подмигнула тёте, из чего я, как смышлённая девушка, сделала вывод, что у неё на счет меня и этого Вадьки уже имелись планы. Не то, чтобы я обрадовалась неожиданному кавалеру, но для приличия угукнула с чуть большим энтузиазмом. Соседка, вроде бы, оценила.

Вадька оказался низкорослым худощавым парёнком с грубоватыми чертами лица и торчащим ёжиком белесых волос. Оттопыренные уши и не сходящая с лица улыбка придавали ему вид простоватого деревенского дурачка. Но это если приглядываться, а если смотреть изда-лека, то Вадька был вполне ничего, симпатичный.

Паренёк серьёзно отнёсся к возложенному на него заданию, потому спустя пару часов я знала буквально каждый закоулочек Крутого Куяша.

– А вот это вот наша главная достопримечательность – церковь, – возбуждённо вещал Вадька. – Она у нас одноглавая, с куполом в форме луковицы. Это символизирует... читал, но не помню что. Окна расположены высоко над землёй. Они, как видишь, узенькие совсем, щели бойниц напоминают – это особый признак стиля...какого-то. – Паренёк замялся, очевидно, исчерпав свои познания в области архитектуры. – Ну вот...

– Спасибо. Очень познавательно, – соврала я.

Вадька нахохлился, как довольный воробей, и с энтузиазмом продолжил экскурсию:

– У нас про эту церковь ух, сколько легенд ходит! Например, вот ты знала, что под ней подземный ход есть? Нет? А он есть и ведёт... куда-то. Или вот ещё одна: в... не помню каком году церковь закрыли, а купола, кресты и колокола увезли в Челябинск. Через год приехали забирать утварь и иконы, а их уже нема – на небеса вознеслись. А все, кто помогал снимать кресты с церкви, померли вскоре – Бог покарал!

На последней фразе Вадька, видимо, пытаясь меня напугать, резко поднёс руки с растопыренными пальцами к ушам и выпучил глаза. Это придало ему сходство с Букой – ручной плащеносной ящерицей, которая трагически погибла семь лет назад, отравившись моей стряпнёй. При одном только воспоминании о питомице на глаза навернулись слёзы. Вадька же приписал сию реакцию на счёт своих экскурсоводческих талантов.

– Ну, что ты, Анечка, не бойся! – Парень слегка приобнял меня за плечи. – Это же уже давно было.

Наклёвывающуюся сцену нежности прервало странное бряцанье: словно бы кто-то раскачивал из стороны в сторону заржавелую цепь. Одна из створок дверей церкви осторожно приоткрылась, и в нос ударил резкий запах фимиама. Мы с Вадькой инстинктивно отпрыгнули друг от друга и от входа. Как оказалось, вовремя. В следующее мгновение на место, где мы только что стояли, приземлилось кадило. Кадило ли? Дымилось оно как заправская дымовая шашка. Вслед за кадилом из-за двери медленно, опасно выплыла голова. На поразительно бледном лице, обрамлённом копной длинных рыжих кудрей, бегали безумные жёлтые глаза. Бросив на нас настороженный взгляд и убедившись, что опасности для её жизни мы не представляем, незнакомка выставила из-за двери ногу и подтянула к себе дымящее как паровоз кадило. Затем её безумный взгляд сфокусировался на мне.

– Уходи отсюда, козлодоина!!! – рявкнула рыжая бестия. – Тебе здесь не рады!

Дверь с грохотом захлопнулась, за ней послышалась возня и лязг задвигаемой щеколды.

– К-кто это? – дрожащим голосом спросила я.

– Преподобная Мика, – раздражённо буркнул Вадька и шёпотом, думая, что я не услышу, добавил. – Ну надо же так уметь испортить момент.

– П-преподобная кто?

– Мика, – кисло повторил Вадька. – Местная умалишённая. Пару лет назад она упала в наше озеро. Думали – всё, утопла, уже отпевать собрались, а она явилась: лицо бледное, глаза безумные, не узнаёт никого и бормочет что-то всё себе под нос. Видно, бес в неё вселился. А потом вот заперлась в церкви и не пускает никого. Да и добровольно туда только больной сунется. Бродит эта ведьма теперь ночью по селу, машет своим кадилом и вопит как резаная: «козлодоину» какую-то ищет.

И за козлодоину эту она меня приняла, получается? Вот тебе бабушка и Юрьев день! Приехала, называется, в милую деревушку за душевным покоем. Уж эта сумасшедшая успокоит меня, так успокоит: разок кадилом своим по темечку огреет, и вечный покой обеспечен.

После встречи с Микой желание осматривать местные достопримечательности отпало напрочь. Домой тоже не тянуло: тётя, содержавшая пивной ларёк, сказала, что сегодня пробудет на работе допоздна, а оставаться наедине с размышлениями о способах убиения меня при помощи кадила не хотелось.

– Вадька, а у вас в селе есть какое-нибудь заведение, где можно культурно провести досуг?

Вадька то ли глубоко задумался, то ли ушёл в астрал. Ностальгия вновь захлестнула меня: напряжённо-сосредоточенное лицо нового знакомого точь-в-точь походило на мордочку Буки в момент, когда она обнюхивала результаты моих первых кулинарных экспериментов.

– Есть! – Паренёк встрепенулся прежде, чем я успела углубиться в воспоминания. – Сеновал!

Я с трудом удержалась от того, чтобы не съездить чем-нибудь тяжёлым по Вадькиной наглой физиономии. Ну как можно предлагать приличной девушке такие гадости?

– Шучу-шучу, – глупо загоготал парень. – Есть библиотека.

Я удивлённо вскинула брови. Библиотека? В этом захолустье? Как-то не верится. Или же он именуется библиотекой подшивку порнографических журналов, самолично заныканную под стогом?

– Да нет же, правда! – Вадька уловил отразившееся на моём лице недоверие. – У нас тут есть один писатель, обрусевший француз, очень книги любит. Он и отгрохал библиотеку.

Я, философски рассудив, что в любом случае лучше жизнь под Вадькой, чем смерть под кадиллом, последовала за ним.

От деревенской библиотеки я не ожидала ничего особенного, уже хорошо, если там будут книги. Какого же было моё удивление, когда мы очутились перед роскошным, отделанным зелёным мрамором двухэтажным зданием, которое я ранее приняла за местное отделение «Сбербанка».

– Глазам своим не верю! – восхищённо воскликнула я.

– А я что говорил, – важно нахохлился Вадька.

Внутреннее убранство библиотеки ничем не уступало великолепию фасада. Стеллажи с книгами возвышались до самого потолка, из-за чего в помещении царил лёгкий полумрак. Разобравшись с формальностями (прежде, чем записать меня, брюзгливая старая библиотекарша подробно объяснила, что и как она отрывает тем, кто небрежно обращается с книгами), мы поднялись в читальный зал. После полумрака первого этажа свет, заливающий длинные ряды столов из тёмного дерева, казался особенно ярким. Вадька смущённо заёрзал у входа, пытаясь вытереть ноги о край красивого зелёного ковра, но, поймав мой недовольный взгляд, обречённо двинулся к шкафчику с надписью «сменная обувь».

Помимо нас в читальном зале обнаружился всего один ценитель словесного искусства, потому мы беспрепятственно устроились за облюбованным мною столиком у окна. Следующие полтора часа я провела, погружившись в сборник стихов своей любимой поэтессы Марины Цветаевой. Вадька поначалу тоже делал вид, что занят чтением, но потом, решив, что я так увлечена книгой, что не замечаю ничего вокруг, отложил свой журнал в сторону и с неприкрытым обожанием уставился на меня. Неотрывный взгляд, грозящий прожечь во лбу дырку, порядком раздражал, поэтому, едва Вадька отвернулся, я скорчила в адрес его затылка самую страшную рожу, на которую была способна. Послышалось приглушённое хихиканье. Я завертела головой в поисках источника шума и встретила взглядом с бездонными чёрными глазами, в которых мгновенно утонула. Обладателем дивных очей оказался тот самый единственный почитатель литературы, которого я мельком заметила раньше, но толком разглядеть не удосужилась. Примерно моего возраста, с невероятно гармоничным, притягательным лицом, обрамлённым мягкими волнами иссиня-чёрных волос, он, подобно молнии, поразил меня в самое сердце. Хватило одного взгляда на его фигуру, чтобы понять – она тоже безупречна. Неистовая волна восторга поднялась в груди, дрожью рассыпаясь по всему телу. Любимые герои дамских романов парадом прошли перед глазами, увлекая меня в страну фантазий, где в белоснежном свадебном платье за руку с этим божеством я убежала в закат.

– Убью гада, – сквозь зубы процедил Вадька, возвращая меня с небес на землю.

Я вздрогнула и нехотя отвела взгляд от Аполлона напротив. Мой спутник, потирая затылок, вертел в руке маленький комочек бумаги. Вновь посмотрев на стол божества, я заметила рядом с ним пустой стержень от шариковой ручки и ещё пару таких же комочков – ясно теперь, что отвлекло Вадьку от созерцания моего лица. Красавец озорно подмигнул и одарил меня чарующей белоснежной улыбкой. Я смущённо потупилась, ощущая, как жар приливает к щекам. Если бы знала, что он смотрит, не стала бы корчить ту страшную рожу.

– Сбежал, зараза, – вновь раздался недовольный голос Вадьки.

Я подняла глаза и увидела мелькнувшую в проходе спину небожителя. Стало обидно. Улыбается, подаёт надежды бедной девушке, а потом исчезает, не сказав ни слова. А я ведь даже имени его не знаю.

– Кто это? – пытаюсь вложить в голос как можно больше безразличия, спросила я.

Вадька ответил нехотя:

– Жозеф Версаль. Помнишь, я говорил про писателя, который замутил эту библиотеку? Так вот это его сын. Их вообще редко в селе встретить можно, сами они за Куяшом живут, в противной стороне от озера, там, где болота. Уже почти два года как в наши края переехали и такой особняк себе отгрохали! – В голосе Вадьки слышались нотки зависти. – Отец его, Николя, так и вообще безвылазно дома сидит, пишет свои книги. А Жозеф ошивается тут время от времени, но всё больше по утрам. Интересно, с чего это он изменил повадки?

Я хотела ещё расспросить о Жозефе, но Вадька всем видом дал понять, что разговор на эту тему ему неприятен. Пришлось снова уткнуться в книгу, но сосредоточиться на поэзии не удалось. Я невидящим взглядом водила вдоль потерявших смысл строчек, а меж ними видела смеющиеся чёрные глаза...

Обратно мы шли молча. Я так погрузилась в свои мысли, что даже не заметила, как добралась до калитки тётиного сада. Вадьки к тому моменту уже и след простыл. Рассеянно добредя до крыльца, я уселась на ступеньки. Сумерки приглушили цвета окружающего пейзажа. Ни один фонарь не нарушал сгущавшуюся темноту, и на потускневшем небе уже различались первые звёзды. Не было ни шума машин, ни других нарушающих спокойствие звуков, к которым я привыкла в городе, только стрекотание насекомых и звук моего собственного дыхания. Где-то там, за гранью этого спокойного мирка тётиного сада, возможно, вооружившись кадиллом, на охоту вышла преподобная Мика. Да и Куяшское чудовище могло появиться в любой момент. Но сейчас эти напасти, притаившиеся в темноте, казались мне ужасно незначительными. Я не боялась темноты, темнота напоминала мне о цвете его глаз.

Глава 2

Чудовище из озера

Первые три недели на новом месте пролетели незаметно. Чтобы не слыть в селе неприкаянной нахлебницей, я напросилась работать в библиотеку. Лисовцева Пелагея Поликарповна, заведующая гнездилищем книжных червей и единственный его сотрудник, оказалась не такой уж старой брюзгой, какой представилась мне в нашу первую встречу – просто она чуть больше, чем положено, любила книги, и чуть меньше – людей. Обилием посетителей библиотека похвастаться не могла, в основном заходили редкие завсегдатаи, в числе которых был и Жозеф, но шанса свидеться с ним судьба мне больше не подарила. Как и сказал Вадька, он предпочитал утренние часы, а меня даже ударная волна ядерного взрыва не могла вырвать из объятий Морфея раньше полудня, чего уж говорить о чугунной сковородке, в которую тщетно била набат тётя. Пелагея Поликарповна на опоздания смотрела сквозь пальцы: скромное общество моё почему-то не возбуждало в ней ни единой чистой и светлой эмоции, так что, чем реже я маячила перед глазами, тем меньше морщинок тревожило её благородное чело.

С Вадькой, как и предсказывала его мать, мы быстро спелись. Постоянной работы у паренька не было – в селе он слыл мастером на все руки, к которому обращались, если требовалась какая-то помощь по хозяйству – так что весь избыток свободного времени новый знакомый посвятил мне. Почти каждый день он провожал меня домой с работы, иногда даже приезжал на своём транспортном средстве, велосипеде, и с ветерком сотрясал по куяшским кочкам и колдобинам, помогая проветрить подпрыгивающий к горлу желудок перед ужином. Как девушке, несправедливо обделённой мужским вниманием, мне это льстило. Особенно было приятно, когда в первое время после моего переезда вездесущие деревенские сплетницы

удивлённо перешёптывались: «Энто что за хорошуля с нашим оболтусом?». А вот рядом с Жозефом я походила бы скорее на горгулью Куяшского озера, которую вели в церковь, чтобы усмирить при помощи креста. Ну, или при помощи кадила, если вспомнить местную затворницу.

Говоря о преподобной Мике, стоит отменить тот радостный факт, что охоту на меня она так и не открыла. Иногда по ночам я слышала где-то вдалеке глухое эхо её кадила, но оно меня не страшило, ведь двери и окна были плотно закрыты, а молоток, припрятанный под подушкой на всякий пожарный, приятно охлаждал кожу. Чудовище тоже не посещало нас, предпочитая дворы с коровами поупитанней. В общем, ничто не омрачало моей новой жизни, и я могла насладиться тем, за чем приехала в Крутой Куяш – тишиной и душевным покоем. Ну, вернее почти могла...

– Кротопупс, опять лодыря гоняете!!! – что-то тяжёлое с протяжным жалобным свистом опустилось мне на макушку, и перед расфокусированным взглядом предстало сразу две Пелагеи Поликарповны. Почему-то начальница взяла за привычку называть меня именно этой, горячо нелюбимой мной частью собственной фамилии.

– Уже всё закончила, – обиженно пробормотала я, потирая макушку. – Просто решила почитать, пока Вадька не пришёл.

Начальница сделала глубокий вдох, собираясь, видимо, в очередной раз обрушить на меня тираду о нравах современной молодёжи, но тут снаружи раздался душераздирающий скрип велосипеда. Пелагея Поликарповна, издав подобие предсмертного хрипа, вскинула руки к ушам и кивком головы велела мне выметаться. Вот и ещё одно неоспоримое достоинство Вадькиного транспортного средства.

– Вадька, а какая у тебя фамилия? – задумчиво спросила я, когда мы уже почти дотряслись до тётиноного дома.

– Выхухолев. А чего это ты спрашиваешь?

– Да так, интересно, как моё имя будет с ней звучать.

Вадька чуть с велосипеда не упал, и я запоздало поняла, что в моих словах может углядеть человек, не знающий, что я частенько примеряю на себя фамилии знакомых, чтобы хоть как-то отвлечься от переживаний по поводу своей.

– Только не подумай, что я с тобой флиртовать пытаюсь!

– Да я вообще-то и не против, – оживился парнишка

Я тяжело вздохнула: ну вот, приехали.

– Ну вот, приехали, – озвучил мои мысли Вадька, ногами останавливая велосипед. – Ну, ладно, до встречи на завтрашнем гулянье.

– Каком ещё гулянье? – удивилась я.

– Как каком? Завтра же ежегодный приём по случаю дня рожденья старосты села.

– Старосты?

– Ну да, она у нас что-то вроде местной администрации, – медленно, будто подбирая слова, протянул Вадька. – В общем, завтра сама всё увидишь.

Заинтригованная предстоящим событием, я, наскоро запихнув в себя ужин, занялась подбором праздничного туалета. Ничего достаточно нарядного для столь грандиозного торжества в моём гардеробе, увы, не обнаружилось. Немного поколебавшись, я всё же выбрала простой жёлтый сарафан с крупными синими фиалками. Оставалось только его как-то украсить, добавить изюминку, так сказать. Изюминка не заставила себя долго искать – под кроватью пылилась целая коробка светоотражателей. Я заказала их в городе, планируя развесить в саду для отпугивания преподобной Мики, но не учла тот факт, что в селе нет ни единого фонаря, а потому отражать отражателям нечего.

«Всё-таки хорошо, что не выкинула», – порадовалась я, прикидывая, как лучше пришивать отражатели: упорядоченно или вразнобой на манер горохов. В итоге начала упорядоченно, но, покончив с примётыванием, поняла, что получилось вразнобой. Ну и Куяш с ним.

Через пару часов готовое платье уже украшало дверцу шкафа. Если не считать кривых стежков и пары пятен крови, оставленных моими исколотыми пальцами, получилось ужас как хорошо. С замиранием сердца ждала я нового дня, предвкушая своё первое в жизни деревенское гулянье.

Какого же было моё недоумение, когда на следующий вечер мы с тётей, наряженные и намакияженные, подошли к дому старосты. Впрочем, домом это назвать язык не поворачивался: больше всего жилище главы местной администрации напоминало ту землянку у самого синего моря, в которой небезызвестный старик жил со своею старухой тридцать лет и три года.

Изнутри обиталище старосты оказалось не менее удивительным, чем снаружи. Вернее, внутри вообще ничего не оказалось, помимо длинной каменной лестницы с высокими, массивными ступенями, в лучших традициях фильмов ужасов ведущими вниз, туда, где клубился поток первозданной тьмы.

– Вперёд! – Родственница подтолкнула меня к зловещему отверстию в полу.

Я испуганно ухватилась за подол её платья и, издав жалобный стон умирающей цапли, шагнула во тьму.

«Не стоило закрывать глаза», – заключила я, приходя в себя внизу на чём-то тёплом и мягком, на поверку оказавшемся родственницей.

Полным ужаса взглядом я окинула жертву своего полёта с лестницы. Оптимистически настроенная часть сознания кричала, что нужно немедленно разыскать врача, пессимистически настроенная расчётливо прикидывала, во сколько обойдутся похороны. Я же, проигнорировав оба гласа, впала в истерику.

– Ну-ну, чего нюни распустила? – Заботливая рука погладила меня по голове.

Я подняла зарёванное лицо – тётя как ни в чём не бывало сидела рядом, живая и здоровая. Зарыдав ещё громче, теперь уже от облегчения, я бросилась на неё с объятьями.

– Полноте, всё ладом. С нашей настойкой на куяшских травах и не такое переживала. А вот платье мне слезами портить не надо!

– Тёееётя! – Я жалостливо посмотрела на неё, всё ещё судорожно всхлипывая. – Давайте вернёмся домой. К кому-то, возможно, беда и приходит одна, но только не ко мне.

– Нос вытри и не мели чепухи, – отмахнулась женщина. – День рождение старосты – главный праздник села, негоже его пропускать из-за каких-то богомерзких суеверий.

Я было собралась спросить, почему главный праздник села проходит в каком-то подозрительном тёмном подвале, но осознала, что вокруг не столь темно, как казалось сверху.

Мы находились в широком сводчатом коридоре с множеством дверей вдоль стен и закреплёнными над ними странными приспособлениями, которые, скорее всего, были факелами, хотя напоминали больше воспламенившиеся швабры... и пахли так же. Вдалеке светился контур высокой, закруглённой сверху двери. Я не заставила себя упрашивать, когда тётя поадила меня в её направлении: перспектива остаться наедине с пляшущей на стене жуткой тенью, пускай и моей, не особенно прельщала.

«Я должна рядом плыть, я должна всё простить, выбрала я твои якоря», – доносились из-за двери отголоски шедевальной песни Дины Беяны. Эта музыкальная композиция уже которую неделю держалась на вершине всех хит-парадов страны, и, по некоторым слухам, правительство даже планировало рассмотреть вопрос об утверждении её на роль государственного гимна.

«Пусть и нечаянно, криво причалила наша баржа – в море не всё так просто», – не удержавшись, подпела обожаемой исполнительнице я. Как раз в этот момент тётя торжественно распахнула двери, и последние слова мы с Диной пропели уже под ошарашенными взглядами

гостей, собравшихся в зале. Моё появление произвело настоящий фурор: толпа у входа с благоговейным трепетом расступилась, освобождая дорогу.

Приосанившись, я продефилировала к столику с напитками, попутно рассматривая зал. Он оказался большим и просторным, круглой формы, с высоким куполовидным потолком. Если бы не расписанные фресками углубления в стенах, заменяющие окна, сложно было бы поверить, что он находится под землей. Я не смогла разобрать, в какой цвет выкрашены стены, но при здешнем освещении они казались жёлтыми. В центре зала располагалась круглая деревянная сцена, высотой примерно в половину моего роста.

«Интересно, будет концерт? Вот бы на приёме появилась Дина Беляна», – мысль о любимой певице заставила меня расплыться в блаженной улыбке.

Размышляя о милых сердцу лицах, я не могла не вспомнить ещё об одном человеке. Взгляд бессознательно заскользил по залу, выискивая в столпотворении чуждых силуэтов знакомую фигуру. Жозефа невозможно было не заметить, он выделялся в толпе, как бабочка в муравейнике: небрежно прислонившись к стене, Куяшский Аполлон покачивал в руке высокий бокал с зелёной жидкостью, похожей на «Тархун». Скучающий взгляд молодого мужчины был направлен туда-то вдаль, длинные фалды фрака и гладко зачесанные назад волосы цвета вороного крыла придавали ему сходство с этой величественной птицей, хотя любого другого сделали бы похожим на нескладного пингвина. Жозеф блуждающим взглядом прошёл по залу, не задерживаясь ни на ком конкретном (хоть моё сердце и пропустило удар, когда он посмотрел в моём направлении), и вернулся к созерцанию пустоты перед собой. Я уверила себя, что мне не из-за чего расстраиваться, но к горлу подкатил противный, горький комок, а в глазах предательски защипало.

– Привет, – вдруг раздался над самым ухом мягкий бархатистый голос. Я вздрогнула от неожиданности и подняла глаза.

Не знаю, от чего моя голова закружилась сильнее: от обворожительной улыбки Жозефа или от его томного обольстительного взгляда.

– П-привет, – отчаянно краснея, выдавила я.

– Классный прикид, – одобрительно покачал головой красавец, оглядывая меня с ног до головы. – Особенно удалась посмертная маска вождя краснокожих. А я вот, лопух, не додумался надеть маскарадный костюм.

– Какой ещё маскарадный костюм? – недоумённо нахмурилась я.

Проходивший мимо толстяк принял мой недовольный взор на свой счёт, и его молниеносно скользнувшие в карманы руки приняли очертания, подозрительно напоминавшие кукиши.

– Что это с ним?

– Я же говорю, костюм удался, – радостно сообщил Жозеф. – Среди гостей прошёл слух, что если с тобой взглядом встречаешься, надо пальцы в дулю сложить. Иначе необратимое проклятье схлопочешь.

Никакого маскарадного костюма я не надевала. Дело могло быть только в одном...

– Здесь где-нибудь есть зеркало? – обречённо вздохнула я. Видеть последствия размазывания слёз по лицу не хотелось, но оставаться единственной, кто пребывает в блаженном неведении – тем более.

Жозеф стянул с ближайшего столика пустой серебристый поднос и галантно поднёс к моему лицу. Если бы я увидела чудовище, уставившееся на меня из глубин зеркальной глади, не в освещённом, заполненном людьми зале, а ночью в тёмном переулке, меня даже не пришлось бы потом лечить от заикания, я бы просто скончалась от страха на месте. До меня даже не сразу дошло, что это никакой не злобный монстр зазеркалья, а всего лишь моё отражение: по щекам стекали чёрные дорожки туши, остатки теней, подводки и всё той же туши размазались вокруг глаз, придавая мне сходство с грабителем, перед выходом на дело нацепившим маску,

помада тоже распространилась далеко за пределы губ, превратив нижнюю часть лица в подобие кровавого месива. Довершали картину встопорченные, как после взрыва, волосы, которые я тут же попыталась пригладить, увы, безуспешно – слишком много лака на них было вылито.

Теперь стало ясно, чем было вызвано всеобщее внимание к моей скромной персоне. И почему тётя не сказала? Неужели обиделась за испорченное слезами платье? Или же решила, что любимую племянку даже поплывший макияж не испортит?

Размышлять о мотивах родственницы – занятие интересное, однако оно уже не могло исправить публичного позора на глазах у лучшего парня села, а, может быть, даже и мира. Посему я, прекратив строить бесполезные предположения, вернулась к суровой действительности.

– А где здесь... – замялась я, не смея при Жозефе произнести слово «туалет», – ... можно попудрить носик?

– Да у тебя всё отлично, не надо пудры, – заверил Куяшский Аполлон.

Я недоумённо приподняла брови: он издевается или действительно не знает, что у дам подразумевается под сим выражением?

– Но если тебе так хочется, – после небольшой паузы продолжил прелестник, – то, как выйдешь из зала, третья дверь налево.

– Спасибо за помощь.

– Да не за что. – Жозеф весело подмигнул. – Ты классная девчонка. Всё для девчонок.

Не помню, как добралась до двери и добралась ли вообще. Впервые в жизни мужчина, тем более красивый, сделал мне такой обезоруживающий комплимент. Когда я вернулась в этот бранный мир из страны фантазий, где священник уже закончил церемонию бракосочетания и попросил нас с Жозефом скрепить союз любящих сердец поцелуем, я осознала, что стою посреди зала и, поднеся сцепленные руки к лицу, глупо улыбаюсь. Стряхнув наваждение, я осмотрелась по сторонам. К счастью, свет оказался потушен, и повторного публичного позора удалось избежать. Взгляды всех собравшихся были устремлены на сцену, где в луче падающего света стояла девочка лет восьми-девяти. Малышка что-то проповедовала своим звонким детским голоском, но так как начало речи я уже пропустила, а слова «мадхьямика», «дхарма» и «свабхава» мне мало о чём говорили, я занялась более интересным делом: изучением её внешности. Девочка была невысокого роста, худенькая, с раскосыми глазами, слегка вздёрнутым носиком и милыми ямочками на щеках, появлявшимися, когда она улыбалась. Длинные чёрные волосы, заплетенные в две тугие свёрнутые петлями косички, украшали огромные белые банты, из-за чего девочка напоминала первоклассницу на линейке в честь начала учебного года. Поза, манера речи и жесты её, однако, резко расходилась с этим образом: малышка говорила уверенно, непринуждённо и с какой-то материнской заботой.

– Кто это там выступает? – тихонько поинтересовалась я у стоящей рядом со мной женщины. – Местный вундеркинд?

Дама посмотрела на меня как на душевнобольную и отодвинулась в сторону, не удосужившись ответить. Сзади захихикали. Я обернулась и увидела двух парнишек лет тринадцати. Мы нередко сталкивались с ними на улице, не разговаривали, правда, но в лицо я их знала.

– Ты серьёзно? – насмешливо спросил тот, что пониже и поплотнее.

– Она же здесь новенькая, – заступился за меня второй.

– Но она же пришла на её день рождения, – возразил первый.

– Я пришла на день рождения старосты, – на этот раз сама заступилась за себя я.

– Ну, так и! – хором заключили мальчишки, указывая в сторону девочки на помосте.

– И что? – не сообразила я.

– Ну, так это и есть староста.

Я пристально посмотрела в лицо сначала одному, потом второму подростку, ища признаки улыбки, но не было похоже, что они дурачатся. Скорее всего, у мальчиков случилось

временное помешательство на фоне имевшего место днём солнцепёка. Махнув рукой на полумных парнишек, я решила по окончании праздника выяснить всё у тёти.

В этот момент девочка на сцене закончила свою длинную, нудную речь, в зале вспыхнул свет и со всех сторон раздались аплодисменты и крики: «Молодца, староста!», «С днём рождения, староста!».

Решившись на переезд в Крутой Куяш, я пообещала себе отбросить природную рациональность и перестать чему-либо удивляться. Я смирилась с существованием чудовищ, волшебных растений и природных аномалий, вызывающих снег посреди лета, но новое потрясение буквально выбило почву у меня из-под ног: во главе Крутого Куяша стояла маленькая девочка с огромными белыми бантами...

Пить я не умела никогда. Обычно, я впадала в беспамятство уже после первой рюмки и о событиях остатка вечера узнавала только на следующий день со слов остальных участников хмельных посиделок. Но сегодня всё было иначе: я пила и пила, потеряв счёт бокалам с разноцветными веселящими жидкостями, но забвение, необходимое мне в тот момент, как гроза в затяжную засуху, никак не наступало. Сначала я пьянствовала одна, потом ко мне подседа улыбчивая староста.

– Привет. Ты же Анечка, наша новенькая? – звонким, соловьиным голоском прошептала она.

– Так точно, товарищ староста! – шутливо отдала честь я. – А вы...

– Меня зовут Бадигульжамал Улзыжаргалова, – кокетливо представилась девочка.

– ...

– Можешь звать меня Бадя, и на «ты», – развеселилась староста, видя моё замешательство.

– Отлично, Бадя, за знакомство? – без тени угрызения совести за то, что спаиваю ребёнка, предложила я.

– За знакомство! – просияла Бадя, и мы чокнулись бокалами.

Вслед за старостой желание выпить со мной (хотя, скорее уж с составлявшей мне компанию Бадей) изъявило ещё несколько человек. В процессе обмывания новых знакомств я задремала, а когда пришла в чувство, ни Бади, ни остальных за столиком уже не оказалось. Впрочем, спиваться в одиночестве мне не пришлось: спустя пару рюмок подсел Вадька. Так как я уже была не в состоянии поддерживать беседу, пили мы молча, правда недолго.

– А это ты хорошо придумала нарядиться пандой, – попытался сделать комплимент парнёк, прежде чем навсегда скрыться в недрах стола.

Посмотревшись в поднос (кажется, я попутно уронила с него остатки бутербродов) и, убедившись, что в прошлый раз до умывальника всё-таки не добралась, я подумала, что надо бы исправить эту досадную оплошность и решительно встала. И как я раньше не замечала, что в зале творится нечто невообразимое: стены ходили ходуном, пол кренился во все стороны, так и норовя поменяться местами с потолком, будто мы находились на лёгком судёнышке, попавшем в шторм. Остальные же люди этого почему-то не замечали, беспечно продолжая веселиться. Я, пробудив бдительность этих убогих отчаянным кличем «Полундра!!!», упёрлась руками в пол и продолжила свой путь на четвереньках. Кое-как добравшись до двери и вывалившись в тускло освещённый коридор, я перевела дыхание, и, держась за стену, потому что в коридоре тоже бушевал шторм, поплелась вперёд. Лестница материализовалась неожиданно, уж не знаю, откуда она вынырнула, но раз появилась, грех было не воспользоваться. Карабкаться пришлось долго: время шло, а лестница всё не кончалась и не кончалась, порой казалось, что я барахтаюсь на месте (а, может, и не казалось), и это восхождение, точнее восползание, продлится вечно. Когда, наконец, вместо очередной ступеньки руки нащупали пустоту, торжествующая радость

моя не знала границ. Я выползла из чрева землянки с ликованием осуждённого на пожизненное заключение узника, совершившего побег из промозглого подземелья.

Свежий ночной воздух прохладой пахнул в лицо, проветривая захмелевшую голову. Низкая полная луна, как единый большой фонарь повисшая над крышами домов, заволокла село призрачной, молочно-белой сетью своего сияния. Я поёжилась – этот холодный, тревожный свет вызывал во мне беспокойство. Но всё лучше так, чем продираться в кромешной тьме: гулянье было в самом разгаре, посему на светящиеся окна домов в качестве ориентиров рассчитывать не приходилось. Я медленно брела по пустынной улице, снова и снова проигрывая в голове нашу встречу с Жозефом, представляла его взгляд, его улыбку, его голос. Казалось бы, эти воспоминания должны были сделать меня счастливой, но смутное чувство тревоги, возникшее при взгляде на луну, становилось всё сильнее. Когда из-за поворота показался забор тётиного дома с распахнутой настежь калиткой (разве мы её не затворяли?), под ложечкой так жалобно засосало, что я с трудом удержалась от того, чтобы не дать дёру.

Прежде, чем я успела поддаться необъяснимой панике, в глубине души блеснула вспышка негодования: «И чего это я должна бежать от собственного дома? Мне что, мало на сегодня приключений? Мне и так слава буйной алкоголички обеспечена, к чему ещё создавать себе репутацию параноика?» Подхваченная этим порывом, я шмыгнула в калитку и, быстро преодолев сад, взбежала на крыльцо. Оставалось только отпереть дверь и нырнуть под защиту толстых кирпичных стен, но уловленное краем глаза движение в дальней части сада привлекло моё внимание. Мне следовало бы насторожиться, но всё ещё не протрезвевшая голова и раздражение из-за только что пережитого приступа малодушия зывали к подвигам. Вооружившись забытой тётей на грядке с морковкой тяпкой, я осторожно, на цыпочках, прокралась поближе к источнику шума и притаилась за пышным кустом смородины.

Из окна и приоткрытой двери сарая нашей Бурёнки лучился дрожащий тусклый свет, а по рыхлой земле, в противоположную от коровника сторону, шумно пыхтя и тяжело переваливаясь с боку на бок, тащилась тучная, косолапая тень. Я всегда представляла Куяшское чудовище громадным мифическим монстром, слепленным из частей различных животных, от одного взгляда на коего кровь стынет в жилах. Пятаящаяся же по саду задом наперёд сопящая неуклюжая тень не вызывала ничего кроме жалости и желания добить её, чтоб не мучилась. В виду того, что девушкой я была на редкость сердобольной, а тяпка – достаточно острой, чтобы гуманно упокоить чудище с первого удара, жить юродивому оставалось недолго – ровно столько, сколько ему потребуется, чтобы приблизиться ко мне на расстояние вытянутой тяпки. С гнусным ликованием маньяка, приметившего на пустынной дороге припозднившуюся красотку, я занесла тяпку над головой; дыхание стало мелким и прерывистым, зрачки расширились до предела, вырывая из ночи каждую былинку скудного света, обострившийся слух был напряжён до звона в ушах. Чудовище неумолимо ковыляло навстречу своей гибели...

– Ты уже закончил со следами? – Резкий, громкий шёпот вклинился в оркестр звуков ночи, нарушая гармонию разыгрываемой ими симфонии смерти. Луч света располосовал объятый сумраком воздух и выхватил из него силуэт чудовища. Я вздрогнула и глубже нырнула под спасительную сень веток, дабы появившаяся на пороге сарая тёмная фигура в шахтёрской каске со встроенным фонарём ненароком не скинула завесу тьмы и с меня. Я не могла разглядеть ни лица, не чётких очертаний человека, сорвавшего мой коварный, но благородный план, зато «чудовище» предстало передо мной во всей красе. Я сразу узнала этого плотного коренастого мужчину в бутафорских когтистых звериных лапах на руках и ногах: его громадный портрет в позолоченной раме уродовал стену над парадной лестницей библиотеки. Жидкие, сальные волосы, водянистые зелёные глаза с тяжёлыми, будто опухшими веками, кустистые, приподнятые по краям брови, создающие вечную маску удивления на лице, крупный курносый нос, тонкая линия губ, скрытая густым треугольником усов, – я всегда с отвращением смотрела на его портрет, полагая, что всему виной недостаток таланта у художника. Однако теперь,

наблюдая Николая Версаля вживую, я поняла, что художник, напротив, был чрезмерно одарённым, раз сумел настолько облагородить его не слишком приятное лицо, удержавшись, тем не менее, от привнесения в портрет изрядной доли художественного вымысла. По неприглядности Николая картинный и в подмётки не годился Николаю настоящему. На портрете он, по крайней мере, обладал не очень здоровым, но приятным жёлтоватым оттенком лица и не страдал никакими кожными заболеваниями. Я не знала, от какой болезни кожа становится настолько омерзительно серой и прозрачной, но решила обязательно выяснить и сделать от неё прививку.

– Нет ещё, – с лёгким акцентом проговорил Николай. – У тебя как дела?

– Кровь собрал, осталось сымитировать следы укуса, – известил его сообщник.

– Замечательно, а то благодаря тебе, я уже весь просвечиваюсь, – Николай сбросил «зверинные лапы» и направился к сараю.

– Что поделатъ, мне понадобилось больше крови, чтоб показаться на приёме.

Оба мужчины скрылись в сарае, и окончания их разговора я не услышала. Все мои чувства кричали, что творится что-то недоброе, и сейчас самое время убежать, но я не позволила себя прислушаться к ним. Потому что я узнала голос второго злоумышленника. Им оказался не кто иной, как Жозеф Версаль. Наплевав на глас разума, я бесшумно подкралась к сараю и жадно прильнула к щели в стене.

В неровном, мерцающем свете подвешенной под потолком каски различались оба правонарушителя и грустный, болезненно отошальный зад нашей Бурёнки. Жозеф стоял чуть поодаль, так, что я могла видеть его лицо. Мертвенно-бледное и осунувшееся, оно разительно контрастировало с обычным картинным великолепием Куяшского Аполлона. Николай стоял ко мне спиной, поэтому его лица я не видела. Впрочем, меня ни капли не расстраивал сей факт: от одного воспоминания о его обтянутом прозрачной кожей черепе передёргивало. Правая рука Николая была занесена к голове. Похоже, он что-то жадно пил.

– Отец, давай поужинаем дома, – взволнованно обратился к Николаю Жозеф. – Хозяева могут вернуться в любой момент.

– Гулянье в самом разгаре – раньше полуночи никто не вернётся. Прекращай ныть и выжми из этой треклятой коровы побольше крови. Если меня увидят в теперешнем состоянии – проблем не оберёшься.

– Если я выкачаю ещё хоть чуть-чуть, животина отбросит копыта в ящик.

– Ну и что ж, спишут на кровожадность чудовища и заведут новую.

– Но я не хочу становиться убийцей!

– Сопляк! Дай сюда, я сам.

– Не дам, ты и так всё стадо вырезал, которое я на разведение купил.

– Ну и что?

– Это бесчеловечно!

– Бесчеловечно? Жожо, не смей меня! Мы не люди – мы вамперлены!

– Но мы приехали сюда, чтобы снова стать людьми! Осталось только озёрного духа найти, так ведь?

– Найди, а потом поговорим.

– Да я только этим и занимаюсь. Уже всех по несколько раз проверил... Слушай, отец, а, может, ошибся ты?

– Нет. Куяш – озеро-прародитель. Без сомнений.

– То же самое ты говорил и про Лох-Несс.

– Меня ввели в заблуждение легенды о Лох-Несском чудовище. Но зато они же подали идею с чудовищем Куяшским.

– Отец!

– Послушай, Жожо, ты мне как сын, но иногда я начинаю уставать от твоих дурацких потуг казаться человеком. Мы – не люди, смиришься. Люди – наш корм.

– Неправда! – губы красавца судорожно подрагивали. Казалось, он вот-вот расплчется. Я в оцепенении стояла у стены, наблюдая это напоминающее дешёвый голливудский ужастик действие. Резкие, порывистые спазмы хлестали мои онемевшие мышцы, но я не смела пошевелиться, чтобы расслабить их. Боль была необходима мне, дабы убедиться, что я не сплю, сохранить то хрупкое, зыбкое состояние, не позволявшее выпасть из реальности.

– Анна Кротопупс. – Мы с Жозефом одновременно вздрогнули от звуков моего имени и посмотрели на Николая.

– Из этой безмозглой мартышки выйдет отличный десерт. – Николай медленно смаковал каждое слово, будто поливая его со всех сторон ядом. – Сначала отрежу её длинный нос, чтобы раз и навсегда отучить от привычки совать его, куда не надо, затем воткну в отверстие соломинку и буду неспешно, растягивая удовольствие, посасывать её кровь...

– Прекрати! – Лицо Жозефа исказила гримаса боли, словно его внезапно рубанули по спине топором. – Это не смешно!

– О, нет, я не шучу, – в голосе Николая звучали насмешливо-торжествующие нотки, – У меня есть причина для её убийства, с которой не сможешь поспорить даже ты: из-за неё мы находимся под угрозой разоблачения.

– Чуть кошачья! Анечка весьма недалёкая девушка, она ни за что не догадается!

– А ей и не нужно догадываться, она сейчас стоит снаружи и подслушивает наш разговор.

Я судорожно встрепенулась всем телом, точно ошпаренная, и отшатнулась от стены. Шокированный, ослеплённый белой вспышкой потрясения разум ещё бездействовал, а ноги уже несли меня прочь. «Бежать!» – звенела каждая клеточка тела, вытесняя яркий колючий туман из головы. «Бежать!» – я развернулась в пружинящем прыжке в сторону калитки и... Николай с играющей на губах притворной приторно-ласковой улыбкой стоял прямо позади меня, раскинув руки, будто для объятий. Гипнотизирующий взгляд водянистых, бесцветных глаз ужалил меня, превращая в неподвижную, безвольную игрушку.

Я с ужасом смотрела в его глаза, осознавая, что мне больше некуда бежать. Неслаженная какофония ночных звуков опять слилась в зловещую симфонию смерти, на этот раз моей.

Глава 3

Побег

В книгах и фильмах, когда жизнь героя висит на волоске, в последний момент непременно появляется кто-то или что-то, чудесным образом его спасающее. Я всегда была реалисткой, и подобные волшебные избавления ничего, кроме презрительной усмешки у меня не вызывали...

Тяпка прочертила воздух грациозно и почти незаметно, словно взметнул из травы изящную палочку доселе дремавший дирижер. Симфония смерти взяла финальный аккорд и смолкла, колючими осколками рассыпавшись вокруг несостоявшейся жертвы. Сперва мне показалось, что возникшая из ниоткуда черная полоса, разделившая уродливое лицо Николая ровно посередине, порождение моего обезумевшего от ужаса воображения, однако сдавленный крик боли свидетельствовал об обратном. Взгляд Николая больше не сковывал меня, и, подбрасывая колени чуть ли не до подбородка, я галопом поскакала к калитке. Едва деревянная дверца осталась позади, в уши ударил резкий, тошнотворный визг, будто бы рядом резали десяток поросят. До меня не сразу дошло, что это кричу я.

Всё вокруг слилось в одну длинную размытую полосу, и я больше не понимала куда бегу. Что-то мягкое мелькнуло под ногой, взвизгнуло и с возмущенным лаем понеслось со мной наперегонки. Правда очень скоро лай превратился в отдаленное разочарованное тьяканье, и я вновь осталась одна. Сложно сказать, обрадовалась я или огорчилась, скорее второе, потому что общество злой, но честной в своих чувствах собаки было всё-таки приятней компании дву-

личного Николая. Впрочем, очень скоро мне стало не до мыслей подобного рода: из-за густой травы, в которую я, сама того не заметив, влетела, пришлось сбавить скорость, и, вновь обретая способность различать очертания предметов, я узрела впереди забор. Возможно, если бы я догадалась затормозить, встречи с этим архитектурным сооружением удалось бы избежать, но в тот момент я была абсолютно уверена, что это не я несусь на забор, а забор вразвалочку скачет на неподвижную меня. Я встретила его бесстрашно и открыто, с широко распахнутыми объятьями. Мы жадно слились воедино, как влюблённые в порыве страсти, я издала прерывистый хрип, он – скрипящий стон, а потом мы вместе повалились на мягкую траву, я нежно обняла его за оттопыренную доску и затихла, как мне показалось, уже навсегда.

В детстве я была послушным и воспитанным ребенком, никогда не грубила старшим и мужественно терпела холодное отношение сверстников. В нашем классе учился Эдик, хиленький мальчик в очках, которого остальные почему-то жутко невзлюбили. Иногда на большой перемене, когда я выходила во двор, чтобы под сенью тенистого школьного сада насладиться очередной главой Достоевского или Гончарова, я видела как он, заплаканный и побитый, выползает из-за сарая с садовым инвентарём. Мы никогда не разговаривали, притворяясь, что не замечаем друг друга: он стыдился представлять перед девушкой таким жалким и неспособным постоять за себя, а я понимала это и старалась не ранить ещё больше его и без того покалеченную гордость. Я сочувствовала ему и в то же время жутко завидовала: он вызывал в одноклассниках бурю эмоций, пусть и негативных, его существование никого не оставляло равнодушным. Я же до самого выпускного так и осталась зубрилой со смешной фамилией, которая отдувалась за всех у доски, и с которой не хотел сидеть никто, кроме собственного портфеля.

В институте судьба сыграла со мной злую шутку: я попала в одну группу с Эдиком, который к тому времени подросток, излечился от детских комплексов и из гадкого утенка превратился в мужчину моей мечты. Страдала ли хоть одна девушка от неразделенной любви так, как страдала тогда я? Мое сердце плакало и изнывало от отвращения к собственной недалёковидности. Ведь он был рядом столько лет, что мне стоило протянуть ему руку сквозь тонкую занавесь неловкости, разделявшую нас? Теперь же прозрачная ткань превратилась в глухую, непробиваемую стену. Он словно специально избегал меня, напоминая мне о позорной странице, которую он хотел вырвать из книги своей жизни и забыть навсегда. А ведь я тогда могла всё изменить, превратить его болезненные воспоминания в сладкую грусть о нескладном отрочестве, подарить ему первого друга и первую любовь. Я упустила момент. Зачарованная бликами солнца, игравшими в листьях деревьев школьного сада, я подставляла им раскрытые ладони и не заметила, как моё счастье ускользнуло сквозь пальцы.

Когда стало известно, что Эдик встречается с первой красавицей на потоке, я пролежала все выходные, заливая слезами подушку. Тогда же я приняла роковое решение, изменившее всю мою жизнь: перевестись на заочное отделение и махнуть к двоюродной тётке в Крутой Куяш. Знала бы я, что это будет стоить мне жизни...

Сквозь водоворот нахлынувших воспоминаний я почувствовала, как тело вздрагивает от судорожного всхлипа. Странно, я ощущала свое тело, несмотря на то, что умерла. А впрочем, почему странно? Ведь всё, что нам известно о жизни после смерти, написано живыми, понятия не имеющими о настоящем положении вещей. Я повела плечом и застонала от волны ноющей боли, прокатившейся от затылка до кончиков пальцев. Значит рассказы о том, что со смертью уходит боль, тоже ложь. Чья-то мягкая рука заботливо погладила меня по лбу, убирая упавшие на лицо волосы. Я всегда была послушным и воспитанным ребенком, никогда не грубила старшим и мужественно терпела холодное отношение сверстников: сомнений быть не могло – после смерти я попала в рай.

– Боженька, это ты? – расплывшись в блаженной улыбке, промурлыкала я.

Боженька тяжело вздохнул и еще раз провел ладонью по моему лбу. Прикосновение было ласковым и приятным, впрочем, странно было бы ждать от Вседержителя чего-то меньшего. А вот как выглядит Творец мира сего представить не получалось: судя по гладкости и бархатистости его рук, уж явно не как почтенный старец с белоснежной бородой, которым я его всегда представляла. Любопытство победило желание и дальше пребывать в состоянии вечного покоя, и я осторожно, шурясь от заливающего лицо света, приоткрыла глаза.

– Боженька, ты так похож на Жозефа, – простонала я, вглядываясь в прекрасное лицо склонившегося надо мной мужчины.

– Хорошо же ты башкой приложилась, – нахмурился «Боженька».

В голове будто щелкнул невидимый переключатель, отвечающий за работу моей логики: я дышу, я могу чувствовать боль, я лежу на коленях мужчины, которого знаю, и я вижу над собой незнакомый, но такой материальный потолок.

– Так я не умерла?

– Нет, но ты очень старалась, – утешил меня Жозеф.

– Где мы?

– В пустующем доме рядом с церковью.

– Преподобная Мика! – Я в панике вскочила, но тут же, скрученная тисками боли, опустилась обратно на пол.

– Осторожней, – Жозеф помог мне сесть и протянул бутылку с неприятного болотно-зелёного цвета жидкостью.

– Настой куяшских трав, – ответил он на мой немой вопрос. – Лучше всякого лекарства помогает.

Я послушно взяла бутылку и, зажмурившись, сделала пару глотков. На вкус пойло оказалось гораздо приятней, чем на вид.

– А насчёт преподобной Мики не волнуйся, – успокоил меня Жозеф. – Она со вчерашней ночи гоняется за Николая. Сейчас это самое безопасное место: ни она, ни отец не додумаются искать нас тут.

– Что случилось после того, как я убежала? – осторожно спросила я, надеясь, что мои собственные воспоминания ни что иное, как галлюцинация, возникшая на почве злоупотребления алкоголем, и сейчас Жозеф со смехом расскажет, как я, возвращаясь с приема, по пьяни налетела на забор.

Лицо красавца, однако, вопреки ожиданиям помрачнело.

– Отец было погнался за тобой, но на твои вопли примчалась преподобная Мика. Эта полоумная ведет на нас охоту с тех пор, как вызнала где-то, что мы церковных благовоний не выносим. Раньше-то мы всегда ей усы утирали, а вчера ты отца так разозлила, что он напрочь бдительности лишился и сам сиганул под ее кадило. Конечно, такая маленькая доза фимиама его не убьет, но вот побегать от этой психопатки, пока силы не восстановятся, придется.

– Значит, прошлая ночь всё-таки не сон, – расставшись с надеждами на нереальность собственных воспоминаний, простонала я.

– Ежа мне под босу ногу, надо было сказать, что тебе все приснилось! – схватился за голову Жозеф.

– Надо было, – угрюмо согласилась я. – Может, попробуешь?

– Не получится, я уже вслух сказал, что надо было сказать, что тебе все приснилось. – Красавец спрятал лицо в ладонях и сокрушённо вздохнул. – Вот ведь подстава, коту мне в штаны...

– Может, не надо коту в штаны? – Как ни странно, даже в такой ситуации я сохранила способность шутить.

– Да это выражение такое просто. Все ковбои на Диком Западе раньше так говорили.

– На Диком Западе?

– Да. Я там вырос.

– Так ты отважный ковбой с Дикого Запада, прилетевший в Крутой Куяш на машине времени?

– Я не ковбой, я вамперлен.

– Ещё лучше. А вообще замечательно стало бы, если бы ты признался, что вы с отцом – психи. Бежали из клиники вдвоем: ты, пресвятой Николя и преподобная Мика.

– Что?! – Судя по гримасе, искажившей лицо красавца, моя безобидная подколка оскорбила его до глубины души. – Сама ты психованная! Видела же, что с нашей кожей творится, если кровь долго не пьём. И чуть не обделалась со страху, когда Николя на тебя посмотрел – а он ведь даже силу свою почти не использовал. Ну ладно, сейчас я тебе покажу, какой я псих...

Жозеф зло выдохнул сквозь зубы и пристально посмотрел мне в глаза. В комнате как будто потемнело. Едва различимые ранее дымчатые тени зашевелились и потянули ко мне свои уродливые серые щупальца. Меня, как и накануне, начали затягивать зыбучие пески ужаса, при свете дня всего пару минут назад казавшиеся такими далекими и нереальными.

– Я верю, верю, что ты вамперлен! Пожалуйста, прекрати!

Наваждение отступило.

– То-то же, – назидательно сказал Жозеф.

– И какой был смысл разоблачать себя, если я отчаянно желала остаться в неведении и даже сама предложила разумное объяснение? – апатично проямлила я, пытаюсь смириться с мыслью, что моя жизнь уже никогда не станет такой, как прежде.

– Удава мне на шею! – искренне огорчился Жозеф. Вся его фигура казалась такой потерянной и жалкой, что мне стало смешно. Я должна была быть ошеломлена, озадачена, напугана, но вместо этого залилась неукротимым, задористым смехом. Жозефу следовало удивиться, разозлиться, обидеться, но он просто засмеялся вместе со мной.

Я умолкла первой, поскольку ко всем остальным напастям добавился заболевший от хохота живот. Впрочем, настойка уже начала действовать, так что чувствовала я себя куда лучше, чем по пробуждении. Жозеф еще некоторое время похрюкивал, но, заметив, что компанию ему больше никто не составляет, тоже успокоился.

– Ты уж не обижайся, что всё так получилось, – после минутного молчания, снова нарушил тишину красавец. – И о том, где спрятаться, не волнуйся: я тебе дам ключи от своей городской квартиры.

– Зачем мне прятаться?

– Лучше тебе не попадаться отцу на глаза, пока он не отойдёт. Отец в ярости плохо себя контролирует и может глупостей понаделать: он хороший человек, только импульсивный слишком.

– Может, мне тогда насовсем уехать, раз такие дела?

– Да нет, отец отойдёт, – заверил меня Жозеф. – Я ещё и свою долю внесу: скажу, что ты пьяная была и не помнишь ни шиша.

– Угу, ни шиша не помню, а в город сбежала? Он сразу догадается.

– Ёжкин конь, и то верно. Что ж тогда делать?.. О, точно! Честно признаюсь, что сам тебя отослал: боялся, как бы отец глупостей сгоряча не понаделал.

– А я якобы такая тупая, что поехала непонятно куда непонятно зачем по первому твоему слову? – с сарказмом спросила я.

– Ага, – радостно ляпнул Жозеф. – Отец в курсе, что ты в меня влюблена и что не слишком умная, так что всё в порядке.

Слова Куяшского Аполлона вызвали во мне целый калейдоскоп эмоций: злость (это кто это здесь не слишком умный?), удивление (так он знал о моих чувствах?), смущение (так он

знал о моих чувствах...) и обиду (как он мог с таким пренебрежением сказать о моих чувствах?).

– Но ты всё равно классная девчонка, – подумав, добавил красавец.

Теперь смущение затмило остальные эмоции и победно обосновалось на моём лице, приблизив его по тону к китайскому флагу.

– И когда ты хочешь, чтобы я уехала? – запинаясь, спросила я.

Жозеф задумался.

– Чувствуешь себя лучше?

Я осторожно встала и с удивлением осознала, что тело почти не болит. Настойка и впрямь оказалась чудодейственной: ссадины выглядели так, словно им было уже несколько дней, а синяки пожелтели и ощущались только при сильном надавливании.

– Так как чувствуешь себя-то? – отвлёк меня от самообследования Куяшский Аполлон.

– Хорошо, – неуверенно, всё ещё ожидая какого-нибудь подвоха ответила я.

– Тогда постараемся успеть на утренний поезд: он как раз через час. Собраться успеешь?

Я обречённо кивнула: можно подумать, у меня был выбор.

В дальнейшем события развивались сумбурно и слишком стремительно для моего изнурённого организма: Жозеф привёл меня к дому какими-то кустами, я объяснила тёте, что уезжаю в город навестить родителей, покидала в чемодан первое, что подвернулось под руку: зубную щётку, плед и молоток, а остаток отведённого мне на сборы времени потратила на то, чтобы привести, наконец, в порядок лицо (вернее, располагавшийся теперь на его месте размалёванный косметикой синяк), а заодно и тело.

На вокзал мы успели ровнёхонько к приходу поезда.

– Вот держи, – перекрикивая грохот прибывающего состава, Жозеф сунул мне в руки увесистый свёрток, перевязанный разорванным старым носком. – Здесь ключи и деньги на еду.

Времени отнекиваться и изображать оскорблённую гордость не оставалось: поезд с протяжным свистом остановился у края платформы и распахнул двери, приглашая меня нырнуть в своё железное чрево.

– Спасибо, – поблагодарила я Жозефа одновременно и за деньги, и за то, что помог занести чемодан внутрь.

– Ну, ты это, береги себя, – напутствовал меня красавец.

– Ты тоже, – борясь с внезапно подступившим к горлу комком, выдавила я.

Куяшский Аполлон кивнул и улыбнулся той обезоруживающей улыбкой, от которой несколько недель назад моё сердце впервые пропустило удар, а разум отказался думать о чём-либо, кроме него. Я почувствовала, что сейчас расплачусь, и, не говоря больше ни слова, отступила в тень тамбура. Жозеф остался на перроне, а через пару минут поплывший за окном пейзаж унёс от меня его силуэт.

Глава 4

Нежданный гость

Городской вокзал напоминал разворошённый муравейник: люди куда-то бегут, толкаются, теснят друг друга, будто от этого зависит их жизнь, и, если кто-нибудь остановится на минуту, с неба низвергнется гигантская нога и раздавит нерасторопного бедолагу.

Пока я подбирала аллегории, наилучшим образом отражающие смехотворность вокзальной суеты, от меня сбежал чемодан. Удрал дезертир, естественно, не один, а в компании толстого, кривоногого мужика в потёртой фуфайке. Поднимать тревогу из-за багажа, которому самое место на свалке, я постеснялась, решив считать грабителя сотрудником бюро добрых услуг, любезно взявшемся помочь мне с его утилизацией. Ну и вытянется же, наверное,

лицо ворюги, когда он обнаружит, что рисковал свободой, а может быть даже и жизнью, ради молотка, старого пледа и размочаленной зубной щётки. Возможно, он даже пересмотрит после этого свои жизненные ценности и исправится... Единственная загвоздка – в чемодане осталась бумажка с адресом Жозефовой квартиры. Но, если посмотреть под другим углом, это даже к лучшему: я с самого начала не хотела прятаться в незнакомом месте, но Жозеф взял с меня слово отправиться именно к нему. Теперь же у меня появился достойный повод нарушить обещание и поехать домой, благо ключи от своей квартиры я захватила.

Задумываться о том, как объяснить родителям своё неожиданное возвращение, не приходилось: шанс застать их дома стремился к нулю подобно математической функции. Когда твой папа – машинист поезда дальнего следования, а мама – его верная помощница-проводница, отсутствие ужинов в тёплом семейном кругу воспринимается как должное. Теперь, благо, я вышла из возраста, когда к недостатку внимания со стороны родителей относишься как к личной трагедии.

Так мне, по крайней мере, казалось днём. А вот ночью, накрывшись с головой одеялом и трясясь от страха, я отчаянно желала, чтобы рядом были мама с папой, которые бы погладили меня по головке и сказали, что если Николя Версаль явится по мою душу, они непременно меня защитят.

Я никогда не жаловалась на одиночество, но теперь мне как никогда необходима была поддержка. Если не родительская, то хоть чья-нибудь. Вот почему, едва проснувшись, я засобиралась в гости к Женьке, своей единственной подруге. Вернее, подругами как таковыми мы не были, просто я периодически помогала этой замкнутой, проводящей всё свободное время у компьютера девушке с учёбой, а взамен нагло пользовалась её добротой, если нуждалась в помощи или совете.

Женя встретила меня со своим обыкновенным радушием, которое не знаящим её людям могло показаться хамством. Бросив на меня мимолётный взгляд больших задумчивых глаз, приятельница коротко кивнула в знак приветствия и удалилась в гостиную. Когда я разулась, она уже, уткнувшись в монитор компьютера, строчила что-то, изящно, как пианист, ударяя по клавишам.

Ни капли не смущаясь такого, казалось бы, холодного приёма, я присела на краешек дивана и поведала Женькиному коротко выстриженному затылку свою странную историю. Естественно, я умолчала о некоторых подробностях, представив Жозефа и его отца-писателя поклонниками научной фантастики, возмнившими себя невесть кем.

– Ох уж эти ролевики, – буркнула приятельница, едва я закончила свой рассказ.

– Кто-кто?

– Ты не знаешь, кто такие ролевики?

– Нет, – несколько смущённо призналась я.

– Ну, как же... Ну это... – Женька, пространно жестикулируя, пыталась подобрать подходящие слова. Наконец она отчаялась хоть как-то сформулировать свои мысли и, отвернувшись к компьютеру, что-то быстро набрала на клавиатуре.

– «Движение Ролевых Игр, Ролевое движение, ролевики – это неформальная общность людей, играющих в различные ролевые игры, в первую очередь ролевые игры живого действия».

Я хихикнула: то, чем занимались Жозеф и Николя, со стороны и впрямь очень походило на ролевою игру живого действия.

– А может быть там и про вамперленов что-нибудь есть? Ну, про тех сверхъестественных существ, в которых они играют, – осторожно спросила я. В обстоятельствах, при которых состоялось наша последняя встреча, у меня не было ни возможности, ни желания расспросить

Жозефа о том, кто же такие вамперлены и почему ему так не нравится быть одним из них. Сейчас же, когда шок от пережитого прошёл, любопытство выиграло с утроенной силой.

Женька опять обратилась к монитору и некоторое время задумчиво вглядывалась в него, медленно поворачивая колёсико мышки.

– Нет, – наконец разочарованно покачала головой она. – Совсем ничего. Но ты не переживай, я сейчас Атроксу напишу.

– Кому напишешь? – непонимающе хлопнула глазами я.

– Атрох У – человек-энциклопедия, – отозвалась девушка, уже во всю стуча по клавишам. – Таинственный гений. Знает ответы почти на все вопросы. И берёт недорого... Всё. Готово. Теперь надо обождать.

Ответ мы получили утром следующего дня. Только-только начало светать, когда Женька (очевидно, и не ложившаяся) растолкала меня, и с лицом, которое не знакомому с ней человеку могло показаться безразличным, но в действительности, по меркам скудной Женькиной мимики, было взволнованным и сияющим, объявила:

– Пришло.

Я, будто ошпаренная, сорвалась с дивана, где накануне заснула прямо в одежде и, прикинув к монитору, зачитала сообщение вслух:

– Вамперлен (Vampperlenu, Упырь болотный) – фольклорная нежить, человекоподобное существо, ведущее водный или полуводный образ жизни. Вамперленами становятся люди, утонувшие в «гиблых местах» – водоёмах, где обитают низшие водные духи (болотники, трясинники). Обладают способностью взглядом провоцировать у жертвы сильный стресс (в отдельных случаях возможен летальный исход). Питаются кровью. Естественный цвет кожного покрова – прозрачно-серый, но при насыщении кровью прозрачность исчезает и кожа приобретает естественный для человека розоватый оттенок, что помогает вамперленам успешно маскироваться под людей. Разрушающее воздействие на нервную систему болотных упырей оказывают запахи эфирных масел и ароматических смол.

– Атрокс написал, что чуть позже ещё кое-какую информацию пришлёт, – сказала Женька, когда я закончила. – И даже доплачивать ничего не надо будет. Круто да?

Последний вопрос так и остался без ответа. Всё существо моё было поглощено прочитанным. Фольклорная нежить? Жозеф? Это же бред какой-то... Хотя в остальном почти всё сходится.

Вконец запутавшись, я решила посмотреть, что ещё напишет Атрокс, и уже потом определиться, верить ему или нет. Женька уговаривала меня ради сей благой цели задержаться ещё на денёк, но я, спохватившись, что заняла единственный диван (хозяйка начала стелить себе на полу), сослалась на то, что всегда мечтала погулять на рассвете и поспешно раскланялась.

Бродить по пустым улицам в утренних сумерках и впрямь оказалось забавно: все места вроде знакомые, а без людей смотрятся совсем по-другому. Даже обшарпанная детская площадка у нашего дома теперь выглядела так заманчиво, что я не удержалась и присела на качели. Железная скамейка с гнусавым скрипом понеслась по дуге туда-обратно – ух, здорово-то как!

О том, что столь громкий звук может кого-то разбудить, я спохватилась, лишь когда в одном из окон вспыхнул свет. Поспешно спрятавшись за ближайшей лавочкой, я высчитала этаж. Мой – значит, кто-то из соседей. Сердце похолодело: только бы не баба Люба, она же меня приберёт за такое! А нет, вроде не она, её окна левее, а это выходит...наше?

Мимолётное изумление сменилось неудержимой радостью: вернулись! Родители вернулись! Спустя пару минут я уже влетела в распахнутую дверь квартиры, совершенно не обратив внимания на то, что замок взломан.

Он подошёл сзади и зажал мне рот ладонью. Всё произошло так быстро и внезапно, что я даже не успела испугаться. Я была скорее озадачена, нежели напугана.

– Если пообещаешь не кричать, я тебя отпущу, – раздался над ухом низкий мужской голос, который, уверена, я никогда не слышала прежде.

Я утвердительно кивнула. Рука, сдавливающая мои губы, исчезла. Я отошла подальше, старательно делая вид, что просто прохаживаюсь по квартире, но никаких попыток помешать мне со стороны вора больше не встретила. Собравшись с духом, я обернулась. Он вальяжно сидел в кресле, закинув ногу за ногу, и, подперев склонённую набок голову рукой, внимательно разглядывал меня. Мне стало не по себе. Если он так легко дал обнаружить своё лицо, вполне могло оказаться, что выпускать меня из квартиры живой в его планы не входило.

– Деньги, если вы их ещё не нашли, в ящике с нижним бельём, – равнодушным тоном осведомила грабителя я, надеясь, что, увидев мою сговорчивость, он изменит свои намерения. – Там весьма крупная сумма. Я сама их в каком-то роде ukrала, так что ни капли не расстроюсь, напротив, буду рада поделиться с более опытным коллегой.

Левый уголок губ «коллеги» небрежно вздёрнулся вверх. Эта самодовольная ухмылка сделала то, чего не удалось добиться грабителю внезапным появлением – она заставила меня не на шутку разволноваться: так смотрят на рыбку, которая тщетно барахтается на крючке, всё ещё не утратив надежды с него сорваться.

– Можете не волноваться, лица вашего я не запомнила. И вообще его не видела: у меня очень плохое зрение, – солгала я. В действительности лицо злоумышленника я рассмотрела превосходно. Грабитель явно имел азиатские корни, однако, за счёт высветленных до цвета охры волос эта особенность не слишком обращала на себя внимание, чего нельзя было сказать о его колючих тёмных глазах, рассматривающих меня из-под чёлки. Взгляд злоумышленника действовал воистину гипнотически. Я постаралась получше запомнить его, надеясь, что при составлении фоторобота в базе данных найдётся нечто похожее. Также я примерно прикинула рост домушника, сравнив его со своим (когда он зажимал мне рот, моя макушка упиралась ему в подбородок). Оставалась самая малость – выбраться из дома живой и добежать до полицейского участка.

Вор не проявил интереса к моему предложению взять деньги и убраться восвояси, напротив, презрительно фыркнул и поудобней устроился в кресле.

– Кто, ты думаешь, я такой? – высокомерно спросил он.

Я не посмела ответить, мне казалось, что слова мои прозвучат как оскорбление и разозлят его.

– Что ж, намекну. – Он подался вперёд и заговорщически прошептал: – Возможно, у нас есть общие знакомые.

– Общие знакомые? – озадаченно пролепетала я, перебирая в голове свои скудные социальные связи.

– Слово «вамперлен» тебе о чём-нибудь говорит?

– Так вы друг Жозефа? – озарило меня. – Он узнал, что я не доехала до его квартиры, и отправил вас меня искать, потому как сам долго без крови не может? Он за меня волновался, да?

– А ты бы не волновалась на его месте?

Теперь я чувствовала себя полной дурой. Ну, как можно было принять друга Жозефа за домушника?

– Вы только не думайте, что я сбежала! – распалилась я. – Просто на вокзале у меня чемодан украли, а листок с адресом был в нём. К тому же, по секрету между нами, уж лучше я дома отсижусь, чем в квартире болотного упыря, чей чокнутый папаша-писатель возжелал испить моей кровушки. И вообще пусть Жозеф сам разбирается с Николя, а меня не впутывает. В свою очередь клянусь, что никому не расскажу об их секрете, более того, постараюсь как можно скорее забыть о том, что случилось в Крутом Куяше.

Выговорившись, я с вызовом подняла глаза на нового знакомого. Он тоже смотрел на меня, и во взгляде его читалось напряжение:

– Никому не расскажешь об их секрете? Даже под пыткой?

Я испуганно сглотнула. А вдруг он решит проверить?

– Никому, обещаю.

Палец сидящего в кресле человека медленно скользнул вдоль губ. Мне показалось, что этот жест символизирует обезглавливание. Моё.

– А что, если я скажу, что тоже заинтересован в их секрете?

– Вы тоже вамперлен?

– А что, похож? – На лице приятеля Жозефа снова появилась дразнящая полуулыбка.

– Вы не такой бледный, как Версали и ваша кожа не просвечивает как у рыбы-хирурга, но я слишком мало знаю о вамперленах, поэтому не могу сказать наверняка. Простите... Так вы всё-таки человек?

Ухмылка его стала ещё нахальней. Новый знакомый встал с кресла и брезгливо посмотрел на меня с высоты своего роста. Он так и не ответил на вопрос – очевидно, играть со мной в кошки-мышки доставляло ему удовольствие, – но сказал нечто другое, окончательно повергшее меня в пучины отчаяния.

– Собирай вещи, мы едем в Крутой Куяш.

Глава 5

Обручена и обречена

На сборы приятель Жозефа выделил мне всего пару часов, за которые мне предстояло убедить знакомого мастера встать пораньше ради солидного вознаграждения за срочную смену замка, написать для родителей подробное сочинение о том, зачем я сломала предыдущий (а заодно, чтобы их порадовать, и о том, как я провела лето), и договориться с соседкой о передаче нового ключа. Учитывая всё это, совсем не удивительно, что на встречу я сильно опоздала даже по меркам либерального арабского этикета, позволяющего, «если бог того пожелает», задержаться почти на час. В глубине души я надеялась, что провожатый махнёт на меня рукой и уедет один, так что, не заметив его в условленном месте, я уж было обрадовалась, но...

– Эй ты! – Тяжёлая рука с размаху опустилась мне на плечо, едва не сбив с ног.

Не удивительно, что я его не узнала. В бейсболке и тёмных очках друг Жозефа походил на что-то среднее между вышедшим на дело уголовником и шифрующей от репортёров знаменитостью.

– Простите за опоздание, – сконфузилась я.

– Без вещей? – проигнорировав мои извинения, спросил провожатый.

– Как видите.

– Понесёшь чемоданы. – Он снял очки и махнул ими на два огромных баула позади себя.

Я не стала возражать: вот надорвусь сейчас ему назло, и пускай едет один. С видом ведомой на съедение дракону молодой жертвенной девы, я подошла к поклаже и, ухватившись сразу за оба чемодана, рывком попыталась их поднять. Баулы даже не шелохнулись. Повторив сей манёвр ещё пару раз с тем же результатом, я многозначительно воззрилась на своего мучителя. Тот, демонстративно закатив глаза, навесил на меня свою ручную кладь (судя по ощущениям, там было как минимум три подарочных набора гирь), и занялся чемоданами сам. Выразительно поглядывая на меня, приятель Жозефа медленно, словно фокусник, перед началом номера демонстрирующий зрителям предмет, над которым будет совершаться манипуляция, взмахнул руками, указывая на багаж. Убедившись, что внимание зрителя, то бишь моё, в его распоряжении, он положил ладони на чемоданы и резким движением выдвинул из каждого по длинной ручке. Я, поддавшись настроению, едва не заплодировала, но «фокусник» всем

своим раздражённым видом дал понять, что представление окончено и, больше не обращая на меня ровным счётом никакого внимания, покати́л багаж к платформе. Задыхаясь от тяжести и досады, я на полусогнутых дрожащих ногах засемила следом. До нашего купе мне удалось доковылять исключительно благодаря силе воли, потому как всё остальное было сломлено под весом сумки с гирями.

– Кажется у меня грыжа, – рухнув на полку, простионала я.

Провожатый звучно выдохнул, демонстрируя дурное расположение духа, и погрузился в чтение газеты.

– Хоть бы спасибо сказал, – не смогла сдержать возмущения я.

– За что?

– За то, что я чуть не надорвалась, пока твою сумку тащила!

– Ты считаешь, я должен благодарить тебя за слабую физическую подготовку?

– А ты считаешь, что благодарить вообще не нужно?

– За добровольную дружескую помощь – нет.

– Дружескую? С каких это пор мы друзья? Я даже имени твоего не знаю!

– Ямачо.

– То же мне мачо нашёлся, – обиженно буркнула я.

Он посмотрел на меня со смесью сочувствия и отвращения, и ещё раз чётко, по слогам произнёс:

– Я-ма-да Я-ма-чо. Ямада – фа-ми-ли-я, Ямачо – и-мя. Яс-но?

Его слова прозвучали так обидно, что я не удержалась от ответной шпильки:

– Дурацкое имя.

– В Японии оно обычное.

– Ты ещё и японец? – Я широко распахнула глаза, дивясь, до чего же мне везёт на иностранцев.

– Формально, уже нет.

– То есть?

– Умри в догадках.

– Ну, и ладно. Было бы чем голову забивать.

Разговор прервался, и до конца поездки никто из нас не проронил больше ни слова.

Едва поезд остановился, я выскочила из вагона и быстрым, пружинящим шагом двинулась к тётиному дому, ни разу не обернувшись на брошенного попутчика. Погода опять испортилась: на этот раз в лицо мне дул шквальный ветер, а на макушку сыпались мелкие горошины града. Впрочем, по сравнению с бурей, бушевавшей в моей душе, ураган казался прохладным, лёгким бризом, шаловливо расплескивающим брызги океана. Надоело, всё надоело! Надоели эти непонятные разъезды, надоели новые знакомства, не несущие ничего хорошего, надоело постоянно находиться в страхе перед тем, чего, по логике вещей, вообще не должно существовать в природе.

Плохое настроение, однако, улетучилось, стоило мне принять ванну. Горячая вода успокоила мои расшалившиеся нервы, и, когда внизу хлопнула дверь, а затем раздался весёлый женский голос, возвещавший о возвращении тёти, я в самом прекрасном расположении духа поспешила в прихожую, готовая упасть в объятия родственницы и поведать, как мне её не хватало. Желание это, увы, так и осталось неисполненным. Тётя была не одна. Рядом с ней, опершись на один из своих необъятных чемоданов, стоял приятель Жозефа... Ямачо. Задохнувшись от возмущения, я собралась обрушить на незваного гостя ушат праведного гнева, но тётя опередила меня.

– Анечка, и не стыдно тебе бросать жениха мокнуть под дождём?

Открытый для словоизлияния рот так и остался незакрытым.

– Я понимаю, поссорились. Дело молодое, с кем не бывает? Но оставлять человека в незнакомом месте, да ещё в такую погоду... Не ожидала от тебя, право не ожидала. Разочаровала ты меня, девочка моя.

– Чего? – только и сумела протянуть я, переводя ошарашенный взгляд с тёти на друга Жозефа и обратно. Не похоже было, чтобы меня разыгрывали.

– Ну, полноте вам обоим. – Тётя приобняла нас с «женихом» и легонько подтолкнула к лестнице. – Ступайте наверх и помиритесь, а я пока комнату приготовлю.

– Чего? Чего?! Чего?! – только и успевала, как заводная кукла, повторять я, пока Ямачо настойчиво увлекал меня за собой.

Вывернуться удалось только, когда мы оказались за плотно закрытыми дверями моей спальни.

– Что здесь происходит? – потирая едва не вывихнутое запястье, потребовала объяснений я.

– Ничего особенного. – Ямачо бесцеремонно уселся на мою кровать. – Просто твоя тётя почему-то решила, что я твой жених, а я не счёл нужным её переубеждать. Так что с этого момента мы будем жить вместе.

– С какой стати?

– Снимать жильё слишком накладно.

– Ну так проваливай в шикарный особняк своего дружка-кровососа и его чокнутого папаши-писателя.

– Интересное предложение, – усмехнулся Ямачо. – Но у меня в этой дыре нет дружка с шикарным особняком, тем более кровососа.

– Ты прекрасно понимаешь, о ком я говорю! – вновь ощутив прилив ярости, процедила я.

– Естественно. Имеется в виду некий вамперлен Жозеф, с которым, как я уже сказал, и теперь ещё раз повторяю для особо одарённых, я не знаком.

– Опять врешь?

– Отнюдь. Никогда не вру, только не договариваю временами.

– Но ты же сам сказал, что Жозеф твой друг!

– Ошибаешься, это сказала ты. Я лишь предположил, что у нас есть общие знакомые.

Я по-прежнему пребывала в уверенности, что Ямачо бесстыдно врёт, однако какая-то часть сознания, порывшись в памяти и не отыскав там необходимых для подтверждения собственной правоты ниточек, начала бить тревогу.

– И кто же? – сбитая я толку, взволнованно спросила я.

– Некто, представившийся Евгенией. Она почла за честь выложить Атроксу твоё имя и адрес. – Так ты – Атрокс?

Я застыла в изумлении. Сцена, развернувшаяся намеренно между мной и предполагаемым грабителем, в малейших подробностях пронеслась перед глазами. Ямачо не врал. Он не сказал ни единого слова, которое можно было бы назвать ложью, я всё предположила и выболтала сама.

– Не совсем, – тем временем продолжал собеседник, явно довольный произведённым эффектом. – Атрох U – вымышленный персонаж. Мои сокурсники придумали "человека-энциклопедию", чтобы подурочиться, но он быстро набрал популярность в сети, так что теперь это вполне реальная справочная служба, в которой подрабатывает половина нашего универа.

– И ты тоже? – робко предположила я.

– Как ты догадалась?

Я пропустила издёвку мимо ушей.

– А домой ко мне зачем вломился?

– Не вломился, а пришёл узнать, почему кто-то заинтересовался особо опасным видом нежити, который даже опытные аномалисты предпочитают обходить стороной.

– Ладно, допустим так. Но зачем ты меня потащил в Крутой Куяш?

– Уже месяц ищу интересную тему для диссертации по фольклористике, а тут ты со своими болотными упырями и скудным интеллектом. Всё так хорошо сложилось, что грех было не воспользоваться.

– Получается, ты аспирант-фольклорист, который приехал в Крутой Куяш, чтобы написать диссертацию о вамперленах? – Bravo! Очень точно уловила главную мысль.

Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться и оценить ситуацию, в которую попала, прежде чем случайными (или, вернее, хитро выуженными из меня) словами ещё больше её усугублю. Итак, что мы имеем? Жозеф думает, что я благополучно скрылась в городе, но я не только не в городе, но и не скрылась. Село маленькое, поэтому так или иначе он скоро узнает, что я вернулась. Самый разумный вариант – найти его первой и всё объяснить. Но есть одна помеха, с которой я совершенно не имею представления, как бороться – аспирант-фольклорист, по ошибке натравленный мной на незадачливый фольклорный элемент.

Ямачо склонил голову набок и широко вытаращил глаза. На мгновение мне показалось, будто он может читать мысли и сейчас знает, что я думаю о нём, но он всего лишь спародировал позу, которую я сама неосознанно приняла. Это, я встrepенулась, отвела глаза и, почувствовав себя крайне глупо, покраснела.

– Только не говори, что я тебе нравлюсь, – превратно истолковал моё зардевшееся лицо аспирант.

– Идиот! Я думала о серьёзных вещах. Нужен ты мне!

– О каких таких вещах?

Отмахнувшись от гласа совести тем, что Ямачо знает уже достаточно, а коль помирать – так с музыкой, я кратко, но обстоятельно поведала ему о своих злоключениях. Фольклорист оказался на удивление благодарным слушателем. Я видела, что в некоторых местах он с трудом сдерживает улыбку (случись всё это не со мной, сама бы посмеялась), но, тем не менее, он не отпустил ни единой язвительной шуточки в мой адрес.

отпустил ни единой язвительной шуточки в мой адрес.

– Значит, рядом с селом находится озеро-прародитель, – задумчиво проговорил аспирант, когда я закончила рассказ.

– Знаешь что это такое? – осмелела я, почувствовав, что собеседник слишком поглощён услышанным, чтобы вновь превратить наш разговор в пародию третьесортного ток-шоу, где два разочаровавшихся в жизни неудачника уныло гнобят друг друга.

– В фольклористике прародителями называют водоёмы, в которых формируются высшие водные духи.

– Водные духи?.. Это те, о которых ты упоминал в письме? Которые, якобы, обитают в болотах с вамперленами?

– Нет, те – низшие. И они не обитают в болотах с вамперленами, а превращают в них людей.

– Зачем?

– Болотные духи питаются человеческим страхом, но сами не могут покинуть водоём, потому заманивают в него людей и превращают в свои живые отростки. А уже с их помощью добывают пищу. Вообще, после превращения упыри лишаются воли, становятся похожи на дистанционно управляемых роботов. Но, если болотный дух слишком слаб, трансформация может выйти неполной, и тогда на свет появляются недолюди, вроде твоих кровососущих знакомых. Такие существа с лёгкостью «отпочковываются» от создателей и начинают жить собственной жизнью. Их тела изменены не до конца, поэтому они не могут питаться страхом, как

полноценные упыри, хотя и способны вызывать его у людей. Но и нормальную пищу они принимать уже не могут, усваивают только вещества, содержащиеся в человеческой крови.

– Животную тоже могут пить, – с видом знатока добавила я.

– А вот об этом официальных данных пока нет. – Аспирант довольно ухмыльнулся. – Вообще, тут, конечно, поле непаханое: не только кандидатскую, докторскую защитить можно.

– А высшие духи чем от низших отличаются? – нетерпеливо продолжила расспрос я.

– Гораздо более сильные... – Фольклорист замялся. – Могут покидать пределы своего водоёма... – Опять пауза. – Вообще, высшие водные духи – исчезающий вид. На их изучение нужна специальная лицензия. У меня её пока нет.

– То есть, ты ничего не знаешь? – злорадно подытожила я.

– Если бы ты упомянула об озере-прародителе раньше, я бы покопался в архивах своей наставницы. Она специализировалась на изучении стихийных духов.

– Ну так позвони ей. Мобильные телефоны здесь не ловят, а вот со стационарными всё в порядке.

– Боюсь, чтобы ей «дозвониться», нужен не телефон, а хороший медиум...

– Она что... того?

– Скорее всего. Позапрошлым летом её исследовательская группа пропала без вести. Тела так и не нашли, но учитывая особенности некоторых существ, с которыми нам приходится иметь дело, от них могло попросту ничего не остаться.

– Жуть какая. – Я поёжилась.

– Специфика работы, – пожал плечами аспирант. – Зависимость между квалификацией исследователя и продолжительностью его жизни в нашей профессии обратно пропорциональная. Те, кого это не устраивает, отсеиваются ещё на первом курсе.

Я непроизвольно поморщилась: жизнь – самое ценное, что есть у человека. Как кто-то может добровольно обменять это сокровище на порцию сомнительных приключений?

Углубиться в размышления о смысле бытия мне помешала заглянувшая в комнату тётя. Окинув нас любопытным взглядом и проигнорировав мою угрюмую физиономию, она расплылась в хитрой улыбке:

– Воркуйте, голубки, воркуйте, тётя вам перекусить оставит и сразу уйдёт. – Передавая поднос сидящему на кровати Ямачо, родственница нагнулась к самому его уху и заговорщически прошептала: – Вещи твои я в соседнюю комнату отнесла, но, если хочешь, можешь здесь остаться. Кровать правда для двоих слишком узкая, но ничего, что-нибудь придумаем.

– Нет, спасибо, всё нормально. – Аспирант покосился на меня и чуть заметно дёрнул губами, как если бы увидел что-то неприятное.

– Ну тогда ладно. – Лукаво подмигнув нам, тётя ретировалась.

– Кстати, имей в виду, с этого момента мы официально обручены, – едва мы снова остались одни заявил Ямачо тоном, не терпящим возражений.

– Это ещё с какой стати? – возмутилась я.

– С той, что я никогда не вру, а выкручиваться каждый раз, не прибегая к обману, слишком утомительно.

– Скажите, пожалуйста! – Уперев руки в боки, я грозно нависла над нахальным гостем. – А то, что "невеста" против, никого не волнует?

– Ты видишь здесь кого-то, кроме меня? – Ямачо с притворным изумлением вздёрнул левую бровь. – Наша помолвка будет расторгнута, как только я соберу достаточно материала для диссертации, и раз уж ты согласилась помочь – это в твоих интересах.

– Когда это я согласилась тебе помочь? – опешила я.

– Будешь помогать в обмен на то, что я не выдам тебя твоему дружку-кровососу и его чокнутому папаше-писателю. Сомневаюсь, что они очень обрадуются, узнав, что ты проговорила.

Я открыла рот, дабы ответить, но не нашла что. Это был гнусный и подлый шантаж, которому мне, увы, оказалось нечего противопоставить. Ямачо с надменным довольством наблюдал, как я, уподобившись выброшенной на берег рыбе, бессильно глотаю ртом воздух.

– Вы...вы не джентльмен! – наконец, чтобы хоть что-то сказать, выпалила я любимую фразу героини последнего прочитанного мной романа. Получилось глупо и не к месту. Впрочем, хоть какой-то эффект мои слова возымели – «неджентльмен» оторопел. Правда, всего на мгновенье.

– Миледи, – губы Ямачо искривила и без того редко исчезающая с них насмешливая полуулыбка, – учитывая то, что я родом из Японии, вам следовало бы напомнить мне о чести самурая. Впрочем, как вы уже, наверное, заметили, её у меня тоже нет.

– Как и совести, – подвела итог я.

Несостоявшийся самурай равнодушно пожал плечами.

– Учти, – перешла от обвинения к угрозам я, – если Николая попытается меня убить, я без колебаний сдам ему и тебя.

– По имеющейся статистике, от нежелательных свидетелей вамперлены всегда избавляются сразу. Их сила основана на зрительном контакте и может использоваться почти в любых условиях. То, что твой писатель ей не воспользовался, говорит о том, что он либо не хотел тебя убивать, либо такой силы не имеет вовсе. В любом случае, не переживай. Раз уж мы обручились, – я попыталась опротестовать сие заявление, но мне бесцеремонно заткнули рот подхваченной с подноса булочкой, – твою безопасность я беру на себя. Всем своим друзьям, болотным в том числе, расскажешь, что изначально приехала одна, потому что я гостил у родителей в Японии. Планировалось, что я останусь там до конца лета, но мне было так тоскливо без дорогой невесты, что я вернулся раньше срока. Мы случайно встретились на вокзале и после нескольких дней в городе решили вместе поехать в Крутой Куяш.

– Зачем?

– Твои родители против помолвки, а денег на отдельное жильё нет. Ещё вопросы?

Вопрос у меня имелся только один: «Как тебя, подлеца такого, земля носит?», но озвучить его я не рискнула.

– Тогда спрошу я. – Аспирант воспринял моё молчание как знак согласия. – Кто и зачем взломал твою квартиру?

– Издеваешься? Или надеешься, что я тебе спасибо скажу за сей акт вандализма?

– Не хочу тебя разочаровывать, но кто-то сделал это до меня.

– И кто же?

– Это я как раз у тебя и спрашиваю.

Я задумалась. На ум приходил только Жозеф, но моего городского адреса не знала даже тётя, так что я отвергла данную версию.

– Скорее всего, до тебя у нас побывал настоящий вор, – отчаявшись додуматься до чего-то более вразумительного, пожала плечами я.

– И что же он украл?

Я, как не силилась, не смогла припомнить ни единой пропавшей ценности.

– Дверной замок?

– А может твои мозги? – сочувственно предположил аспирант.

Я пропустила шпильку мимо ушей, продолжая гадать, кому, кроме Жозефа и воров, могло понадобиться вламываться ко мне домой? Мике? Сдаётся мне, умалишённой бы не продали билет на поезд. Кому-то из знакомых? Вроде, с медвежатниками никогда не водилась...

– Хватит зависать. – Фольклорист помахал рукой перед моим лицом.

– Я думаю.

– Думай, пожалуйста, вслух, а то со стороны твой мыслительный процесс выглядит жутковато.

– За собой следи! – разозлилась я и, не в силах больше выносить общества самопровозглашённого лжежениха, направилась к выходу.

– Ты куда? – всполошился Ямачо.

– Свежим воздухом подышать, – хмуро пробормотала я. – Голова от тебя разболелась.

– Отлично. – Аспирант поднялся с кровати. – Заодно покажешь, что у вас тут где.

– Ну-ну. – Я растянула губы в самой доброжелательной улыбке, на какую была способна, и прежде, чем новый знакомый успел сообразить, что к чему, кинулась наутёк. Сей детской выходкой я надеялась хоть как-то отстоять свою свободу. Но вот чего я не ожидала, так это того, что Ямачо бросится вдогонку.

По лестнице мы скатились вместе, толкаясь и обгоняя друг друга. На последней ступеньке мне удалось повалить фольклориста, и, перепрыгнув через него, вырваться вперёд. Но торжество оказалось недолгим – спустя мгновение стальная клешня сомкнулась на моей лодыжке, и я, трагично взмахнув руками, как умирающий лебедь крыльями, растянулась на полу.

– А вот и они, – раздался над головой весёлый голос тёти. – Ну, баловники, право, как дети малые.

Это замечание вывело меня из себя: бедной племянницей, которая теперь вся в синяках, какой-то мерзкий тип пол протирает, а она считает это милой забавой. По-моему, даже повесь меня Ямачо на ближайшем дереве, тётя сочтёт это невинным баловством влюблённых и предложит поводить вокруг задыхающейся племяшки хоровод.

Раздосадованная собственными мыслями, я со всей силы лягнула преследователя свободной ногой. Удар получился таким смачным, что страусы бы померли от зависти. Сзади послышался сдавленный стон, и моя лодыжка оказалась на свободе.

Бросив на схватившегося за плечо аспиранта победный взгляд, я поднялась с пола.

– Наигрались? Ну что ты с ними будешь делать – молодёжь. Вы уж простите, что мы вас там встречаем. – Родственница с укором посмотрела на меня. – Анечка, а ну-ка быстро проводи гостя в свою комнату. Чай я сейчас принесу.

Я повернулась к тётке, желая понять, о каком госте она говорит, и замерла в немом ужасе. В дверях стоял Жозеф, и поражён он был не меньше моего.

Глава 6

Цена обмана

Говорят, если за двумя зайцами погонишься – ни одного и не поймаешь. Я, в силу характера, всегда была скрытной и застенчивой, и, уж тем более, никогда ни за кем не гналась, боясь, что, увидев моё излишнее рвение, прекрасный принц испугается и развернёт белого коня обратно. Если я и позволяла себе какие-то фантазии, то только мысленно, и, право, упрекнуть меня было не в чем. Я не увивалась за Жозефом – он сам выпрыгнул на меня из темноты сарая и втянул в таинственный, пугающий мир легенд и сказок. Я не флиртовала с Ямачо – он по собственной инициативе провозгласил себя моим женихом. Нет, это не я гналась за зайцами, это зайцы преследовали меня. Так почему же теперь я должна сидеть меж двух настороженно разглядывающих друг друга мужчин и ломать голову над тем, как выйти из сложившейся ситуации, не навредив ни одному из них? И это всё притом, что ни один из этих доблестных рыцарей, скорее всего, и в ломаный грош не оценит мои руку и сердце.

– Жозеф, это Ямачо, Ямачо, это Жозеф, – чувствуя себя Чёрной королевой, знакомящей Алису с Пудингом, проговорила я, едва сдержавшись, чтобы, подражая книге, в сердцах не выкрикнуть: «Спасите меня, ради бога – унесите одного из них».

– Хеллоу! Хав а ю? – на ломаном английском прокартавил Жозеф.

– Здравствуйте. Хавайте на здоровье. – Ямачо с издёвкой указал на опоясанный кольцом баранок чайник, который минутой ранее принесла в мою комнату тётя.

– Фух, так ты русский. А я подумал, иностранец – имя больно мудрёное.

– Мои родители – японцы, но я с девяти лет живу в России, и у меня российское гражданство. Вряд ли меня можно назвать иностранцем.

– И каким ветром тебя к нам в страну занесло?

– То же самое могу спросить у вас.

– А так я русский. – Жозеф горделиво выпятил грудь. – Уроженец Волжской Венеции.

– Как русский? Ты же мне сказал, что ты с Дикого Запада! – опешила я, от удивления совершенно не подумав, что с точки зрения Куяшского вамперлена сейчас нещадно разоблачаю его тайну.

– Подумаешь, немного приукрасил действительность, – отмахнулся красавец. – Ты мне всё равно не поверила.

– Но тебя же зовут Жозеф и твоя фамилия Версаль!

– Так это фамилия Николая, моего приёмного отца. А имя я просто на французский манер переделал, чтоб с фамилией сочеталось. Вообще-то я Иосиф. Можно просто Ёся.

Ошарашено я перевела взгляд с Жозефа на Ямачо: а не сообщит ли мне сейчас тот, что его вообще-то зовут Нурлан, и он из Казахстана. Фольклорист молчал. Однако Ёся его примеру следовать не собирался:

– Ну так что, Анют, когда твой друг планирует уходить?

– Он не планирует уходить, он здесь живёт, – громким шёпотом ответил за меня Ямачо.

– Квартирант что ли?

– Жених.

– Что ты сказала?! – Куяшский Аполлон, кажется, даже не заметил, что разговариваю с ним не я. – У тебя есть жених?

Не зная, что ответить, я виновато понурила голову.

– Ясенько, – ошарашенно протянул красавец. – Что ж, я тогда как-нибудь в другой раз зайду. Или лучше ты к нам заходи.

Попрощавшись, Жозеф скрылся за дверью. Я колебалась: если догоню его и попытаюсь уладить недоразумение, возникнут проблемы с Ямачо, а если позволю уйти...буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Несясь за Жозефом по улице, я чувствовала себя принцем, догоняющим сбежавшую с бала Золушку. Дорогу сильно размыло ливнем, я постоянно спотыкалась и оскальзывалась, так что настигнуть красавца удалось только на лугу за деревней. Куяшский Аполлон выглядел таким расстроенным и сбитым с толку, что я моментально позабыла тревоги и сомнения. Всё, чего мне хотелось – кинуться ему на шею и сказать, что есть одна полная дура, которая влюбилась в него с первого взгляда, и теперь не знает, что с этой любовью делать.

Я не успела признаться, Жозеф опередил меня:

– Прости, я полный дурак.

– Нет, это я дура! Я... – мне не дали договорить. Как я потом решила, к счастью.

– Нет, я. Хотя, что тут, ты тоже хороша. Могла бы хоть сказать, что у парня своего остановишься. Мы с отцом с ног сбились, пока тебя искали.

– С отцом?

– Да. Я ему сказал, что ты ничего не помнишь, и он испереживался весь, что такую хорошую девчонку ни за что обидел. Он ведь не со зла тебя убить грозился, а потому что испугался, что проговоришься кому. Это ж очень опасно для нас, сама понимаешь. А раз бояться нечего – отец сразу и успокоился. Даже лично вызвался тебя обратно привезти. Только вот ни в твоей, ни в нашей квартире тебя не оказалось – как под зебру закатилась.

– Стоп. Николая ко мне домой ездил?

– Ага.

– А адрес откуда узнал?

– Так по справочнику телефонному – у тебя редкая фамилия.

– И замок, значит, он сломал?

– А, да. Отец просил передать, что он извиняется – дёрнул за ручку слишком сильно и замок вывалился. Ты уж не злись на него, он не специально.

– Ну да, как же, – огрызнулась я, чересчур раздосадованная тем, что, оказывается, любой маньяк может законно узнать, где я живу. – Наверняка, думал, что я внутри, и по-тихому прибить хотел.

– Брось! Отец бы не стал до такого опускаться, тем более что ты ему нравишься. Я когда сегодня услышал, что ты вернулась и кинулся сюда, он меня остановил и сказал, что я дураком буду, если такой хорошей девчонке встречаться не предложу... Вот он удивится, когда узнает, что у тебя жених есть... Да я и сам в шоке. Ну, то есть ты, конечно, прикольная и всё такое, но, без обиняков, больше на затюканную ботаншу смахиваешь, чем на девушку, которая парня заинтересовать может. К тому же, я был уверен, что ты без ума от меня, решил, что своим вниманием тебе одолжение делаю. Вот лоханулся...

Я не могла вымолвить ни слова – мой разум отказывался принимать услышанное. Николая мне симпатизирует, в то время как его сыну я неприятна?

– Прости, если обидел, – спохватился Жозеф. – Ты классная вообще, только стрёмная немного. Ну, не в моём вкусе, то есть. Хорошо, что это взаимно. Одной занозой в заднице меньше.

Даже когда я, спасаясь от Николая, с разбегу впечаталась в забор, мне не было так больно. Одно его слово ранило как сотни заострённых копий. Наверное, теперь, сплошь утыканное ими, моё сердце походило на ошетилившегося морского ежа. Вот что бывает с теми, кто забыл своё место и возомнил себя главной героиней сказки. Сказки, они для Золушек и Белоснежек, красивых и образцово-правильных, а таким, как я, отведена роль вздыхающей по принцу мас-совки, любовь которой ему как заноза в заднице.

«В моём окне дождь – в твоём окне свет, в моём окне ты – в твоём меня нет», – с печальной усмешкой вспомнила я строку из горячо любимой мной песни Дины. Затуманивающая взгляд пелена слёз отступила. Уж что-что, я прятать свои чувства, когда того требовала ситуация, я умела превосходно.

– Ты ошибся, – улыбнулась я. – У меня есть жених. Как я могу любить кого-то ещё?

– Да я уже понял. – Жозеф не заметил, что мои губы предательски подрагивают. – Но мы всё равно друзья?

– Разумеется. – Я едва сдерживала слёзы.

– Отлично. Тогда, до встречи.

– Прощай.

В тот день земля подо мной так и не разверзлась, хотя я очень этого ждала. Не разверзлась она и на второй день, и даже на третий, так что, провалявшись остаток недели в жуткой депрессии, я решила, что надо прекращать это бесполезное саморазрушение: раз уж от любви я не расцветаю, а зацветаю, как протухшее болото, то и ну её, эту романтику. Есть ведь ещё в жизни работа, учёба (у заочников сессию никто не отменял), самосовершенствование, наконец. А про «лямуры» и в книгах почитать можно.

Увы, одного из аспектов, призванных вытеснить из моей жизни невесёлые мысли о романтике, я чуть было не лишилась. Пелагея Поликарповна, строго взглянув сквозь очки на вновь готовую приступить к работе труженицу, заявила:

– А вы, девушка, вообще кто?

– Ну как же, я Аня Иванова. Я тут работаю, – неуверенно, опасаясь, что в моё отсутствие начальница была повержена в неравной битве со склерозом, пролепетала я.

Владычица библиотеки, однако, опровергла сии опасения.

– Работают, Кротопус, ежедневно с девяти утра до шести вечера, а то, чем вы здесь занимаетесь, называется тунеядством. – Пелагея Поликарповна воззрилась на огромный безобразный портрет Николая, будто обращалась к нему, а не ко мне. – Подумать только, исчезла на неделю без предупреждения, и делай, что хочешь. Как ещё наглости назад явиться хватило? Она, видите ли, здесь работает!

Я вытерпела все упрёки начальницы с безропотной покорностью: после того, как мне два раза кряду разбили сердце, я чувствовала с ней некое духовное единение, ведь, если верить слухам, личная жизнь у Пелагеи Поликарповны сложилась куда хуже, чем у меня. Муж её, предыдущий староста села, был человеком странным и, как выяснилось впоследствии, нечистым на руку. Его махинации всплыли пару лет назад, когда в Крутом Куяше объявилась Бадя с документами, подтверждающими, что село теперь находится в её собственности. Оказалось, что староста, хитро обойдя закон, продал находящиеся в его ведении земли Бадиным родителям-миллионерам, и теперь всем сельчанам придётся съехать, бросив честно нажитое добро. К счастью, Бадя оказалась девочкой порядочной и не по годам смышленной, поэтому с ней удалось договориться по-хорошему: жители сделали её новой старостой, а она в благодарность отказалась от прав на землю. Прежний же староста прикарманил денежки и скрылся в неизвестном направлении, бросив жену и шестнадцатилетнюю дочь. Для девушки предательство отца стало таким ударом, что её парализовало. Лежит с тех пор бедняжка пластом дома, а матери приходится её выхаживать, да ещё и на жизнь им обеим зарабатывать...

– Кротопус, вы меня внимательно слушаете? – Пелагея Поликарповна недоверчиво заглянула в мои наполнившиеся слезами жалости глазами, не подозревая, что вызвала их вовсе не своими проповедями.

– Да! – Я вздрогнула и всё же расплакалась.

– Вижу, вы осознали свою вину и раскаиваетесь.

– Очень, невероятно, безгранично, крайне, жутко, несказанно, чрезвычайно, ужасно раскаиваюсь, – с искренним сочувствием выдала я все пришедшие на ум эпитеты к глаголу «раскаиваться».

– Ну что ж... – Морщинки на челе начальницы слегка разгладились.

Увы, последствия моей вынужденной отлучки оказались куда ужаснее, чем я могла себе представить. Меня, ходившую в школу во вторую смену и безжалостно игнорировавшую первые пары в институте, обязали появляться на работе ровно в девять утра.

– И чтобы как штык! – грозно тыча мне в лицо пальцем, отрезала Пелагея Поликарповна.

По дороге домой я размышляла, как вырвать у утра хотя бы пару драгоценных минут сна. Решила, что время на приведение себя в порядок из утренних процедур можно вычеркнуть: всё равно от недосыпа буду выглядеть не лучшим образом, а между умыто-причёсанным монстром и неумыто-непричёсанным монстром разница невелика. Больше ничего дельного придумать не успела: отвлёк знакомый силуэт, возникший на дороге.

«Вадька», – сердце ухнуло вниз. Во всей этой суматохе я совсем забыла о нём. Даже не вспомнила ни разу о единственном парне, которому хоть немного нравилась. Мне не было прощения. Вадька тоже так считал. Поравнявшись со мной, бывший поклонник даже не остановился, лишь досадливо кинул через плечо:

– Шалава.

Улыбка на моих губах растаяла, как брошенный в горячую кашу кусочек масла, а в глазах предательски зашипало. На улице мне ещё кое-как удалось сдержать слёзы, но, едва оказавшись дома, я, вместо того, чтобы заняться ужином, уронила голову на кухонный стол и разразилась рыданиями. В таком состоянии меня и застал Ямачо. Из положительного: при виде моей низвергающей водопады слёз физиономии, он едва не подавился яблоком. Из отрицательного:

такой поворот событий скорее развлёк его, нежели заставил сопереживать несчастной страдалице. Вслед за Ямачо пожаловала и тётя. Прекрасно, все в сборе! Наверное, мне стоит пойти в актрисы – на выступлениях будут аншлаги.

– Анечка, ты чего это? – обеспокоено спросила родственница.

Её нежный, заботливый голос поднял во мне новую волну жалости к себе, и, перемежая слова судорожными всхлипами, я простонала:

– Ууу, Вадька, ууу, меня так оп-пустил.

– Что она говорит? Не пойму. – Тётя повернулась к Ямачо.

– Вадька у меня такой пупсик? – неуверенно предположил тот.

– Ах, Вадька, наш сосед. – Тётя понимающе закивала. – Да-да, отличный парнишка. А плачет-то она чего?

– Кто знает, – глубокомысленно протянул лженаречённый. – Возможно, спутала слезоточивый газ с дезодорантом.

– С неё станется, – весело хохотнула женщина. – Ну, ладно, раз ничего страшного, побежала я к Васильевне – у неё сегодня именины.

Хорошая же у меня тётя...

Оставшись с лжеженихом наедине, я утёрла слёзы и попыталась взять себя в руки. Он, будто не замечая меня, направился к выходу, как я подумала, потому, что лицезреть моё распухшее, заплаканное лицо было ему неприятно. Однако когда он проходил мимо, на голову мне опустилось полотенце. Такое неожиданное проявление заботы со стороны человека, от которого я ожидала её в самую последнюю очередь, ошеломило меня и, ощутив прилив благодарности, я разрыдалась с новой силой.

– Не уходи, – внезапно осознав, что не хочу оставаться одна, сквозь слёзы прошептала я.

Я не могла видеть Ямачо из-за накинутого на лицо полотенца, но я чувствовала, что он всё ещё здесь. Аспирант не проронил ни слова, и я не видела выражения его лица, но, даже если он остался только, чтобы посмеяться надо мной, я ощутила невыразимую признательность. Он не проигнорировал мою просьбу, и этого было достаточно. Из списка заклятых врагов в моём сознании он переместился в список тех, кому можно доверять. А позже, когда я окончательно проплакалась, и лжежених с деланно скучающим видом придвинул мне стакан воды, он как-то сам собой оказался в моём доселе пустовавшем списке людей, на которых можно положиться в трудную минуту.

Глава 7

В капкане из книг

Своё первое не проспавшее утро я мечтала встретить, как моя любимая сказочная героиня Золушка в одноимённом диснеевском мультфильме: проснуться под пение птиц (я предусмотрительно поставила в качестве сигнала будильника самую голосистую из них – петуха), а затем, насвистывая красивую мелодию (из репертуара Дины Беляны, разумеется), заправить кровать и принять душ. Удалось мне только последнее, да и то, без музыки и вопреки собственному желанию.

Мне снился странный сон: бушевал шторм, мы с Жозефом стояли на иссекаемом буйными волнами утёсе, я пыталась открыть свои чувства, но, сколь ни силилась, с губ слетало только визгливое кукареканье. А потом раз – и огромная волна смывает меня с утёса, два – и я уже сижу на кровати мокрая с ног до головы.

– Ку-ка-ре-ку... – всё ещё балансируя где-то на грани между сном и явью, рассеянно пробормотала я.

– Как будто до этого кто-то сомневался в курином происхождении твоих мозгов, – презрительно скривился Ямачо, отбрасывая в сторону пустое ведро. – Подъём, начинка для шаурмы!

– Кто поздно встаёт, тот проспит и в шаурму не попадёт, – обиженно пробормотала я. – Решил утопить неугодную невесту в собственной постели?

– Все претензии к твоей тёте. Я предлагал поджечь кровать.

Я испуганно подтянула к лицу мокрое одеяло. Лженаречённый с напускным отчаянием закатил глаза и покинул комнату, оставив меня наедине со своими думами и катающимся по полу ведром.

Глубоко вздохнув, я отогнала навязчивую мысль, что бездна бездну призывает, и, раз день не задался с самого утра, дальше всё будет только хуже. Надо пытаться искать во всём положительные стороны: окатили водой – зато поднимусь рано, успею привести себя в порядок и спокойно позавтракать. А чтобы расправиться с предрассудками, сейчас вот возьму и начну день заново: лягу на кровать, закрою глаза на минутку, притворяясь спящей...

Второе ведро мало того, что было объёмней как минимум вдвое, так ещё и выплеснутую из него воду, казалось, любовно охладили в морозильной камере.

– Поразительно, – выдохнул Ямачо, наблюдая, как я, уподобившись сверзившейся в лужу личинке, беспомощно трепыхаюсь среди насквозь мокрого постельного белья.

– Я только на минутку прилегла!

– А потом повторила это сорок раз?

– Что-о? – Я с ужасом воззрилась на циферблат будильника, неумолимо сжимавший угол между минутной и часовой стрелкой. Как, как такое могло произойти? Я ведь закрыла глаза всего лишь на мгновение, мне даже присниться ничего не успело!

– Подъём, подъём! – не дал мне захлебнуться в водовороте паники командный голос лжевозлюбленного, сопровождаемый грохотом ударяемых друг о друга ведер. – Будучи мокрой курицей в прямом смысле, совсем не обязательно становиться ей и в переносном.

Я проглотила шпильку, разумно решив, что над тем, какое животное (гнусное и отвратительное) напоминает мне этот садист, я подумаю позже. В данный же момент нужно мобилизовать все силы на то, чтобы уложить в пять минут сборы, обычно занимающие как минимум полчаса, и поставить новый мировой рекорд в забеге на дистанцию «тётин дом – библиотека».

Несмотря на все старания, на работу я безбожно опоздала, но вид мой, вероятно, так красноречиво демонстрировал все беды и лишения, коих я натерпелась, добираясь сюда, что Пелагея Поликарповна ограничилась жёстким выговором. Чтобы очистить своё запятнанное прогулом имя, мне было поручено до конца месяца пролистать все тома из полного собрания сочинений Ленина на наличие оставленных нерадивыми читателями рисунков и неприличных слов, а также проверить, не затесалось ли на полках книг без библиотечного штампа. Так как второе задание предусматривало перелопачивание всего собрания книгохранилища, я решила отсрочить муки, занявшись первым. Естественно, ни одного не то, что неприличного – приличного слова на полях бумажных мастодонтов не обнаружилось – в наше время подобную книгу человека открыть не заставишь, даже ради того, чтобы в ней порисовать.

Расправилась с поручением я быстрее, чем рассчитывала: за каких-то два с половиной часа. Теперь от завершения каторги меня отделяла только проверка штампов. Следовало бы тут же за неё и взяться – до конца августа оставалось меньше двух недель, – но подобной исполнительности воспротивился оставленный без завтрака желудок: заручившись поддержкой воображения, он превратил стеллажи в исполинские, сплошь уставленные аппетитными бутербродами холодильники. Истекая слюной, я схватила первый подвернувшийся под руку «сэндвич» и позорно дезертировала на второй этаж, надеясь отвлечься от мыслей о пище съедобной пищей духовной.

В читальном зале, как обычно, было так желюдно, как в очереди за протухшей колбасой. Меланхоличным, призванным подчеркнуть мою вселенскую печаль о падении культурного уровня нации взглядом я обвела немногочисленных энтузиастов, которых сегодня оказалось целых трое. Один, укрывшись с головой плащом, дрых на мягком диванчике в дальнем конце зала, другие двое, парень и девушка, сидели за соседними столами, явно больше увлеченные друг другом, нежели книгами. Меня сия ситуация возмутила по двум причинам. Первое – девушка, хищным, томным взглядом уставившись на молодого мужчину, вульгарно облизывала банан. Второе – этим мужчиной был Жозеф, и он, казалось, ничего не имел против подобных знаков внимания. Я вся вскипела: устроили, понимаешь, бордель в моей затюканной ботанской цитадели!

– В читальный зал с едой запрещено! – перегородив девице обзор, негодуя рывкнула я.

– Не будь злокой, – обиженно захлопала глазами та. – Уже и бананчик пожевать нельзя. Хочешь? На, я не жадная.

Девица извлекла из-под стола целую гроздь аппетитных плодов и начала отделять один.

– Конфисковано! – выдернув бананы из её рук, тоном школьной учительницы отрезала я. – Вон отсюда! И если ещё раз с едой увижу!..

Я погрозила нарушительнице пальцем и, с трудом удерживая слюнки, стала ждать, пока она покинет помещение. Девица не торопилась: сперва эротичным жестом поправила своё баклажанового оттенка каре, затем плавно стала подниматься, стараясь каждым движением продемонстрировать Жозефу достоинства собственной фигуры. Хвастаться там, на мой взгляд, было особо нечем: пышные формы брюнеточки шли в комплекте с не менее пышной, хотя и выгодно утянутой корсетом, талией, а ноги по степени кривизны могли потягаться с Вадькиным велосипедом. Наконец «красотка» завершила свой променада до двери и я уж, как ворона из басни, собралась, куда-нибудь спокойно взгромоздясь, позавтракать экзотическим уловом, но...

– Псссс! – раздался громкий призывный шёпот.

Я обречённо оглянулась и встретилась взглядом со светящимися радостью глазами Жозефа. Ирония судьбы жестока: стоило мне перестать желать всеми фибрами души наткнуться на Куяшского Аполлона в библиотеке, как это случилось. Стоило мне прекратить мечтать о разговоре с ним и начать грезить о бананах, как он сам стал на этот разговор напрашиваться. И почему из всех законов мироздания на мне исправно работает только закон подлости?

– Привет, красавица, – ослепительно улыбаясь, подмигнул мой кровососущий друг.

Надо же, как недосып красит девушку! Ещё недавно была затюканной ботаншей, а тут раз – и преобразилась. Интересно, что же превратило меня в эдакую прелестницу: отёкшие веки или залегшие под глазами тени?

– Привет, Ёся, – с издёвкой, которую Жозеф как всегда не заметил, поздоровалась я.

– Тсссс! – Черноглазый обольститель испуганно приложил палец к губам. – Моё настоящее имя – наш секрет. Я же поклонник потеряю, если откроется, что я не француз.

– Думаю, вон ту с бананами это не остановит.

– Конфетка, а не девушка, правда? – мечтательно вздохнул красавец.

Я скептически хмыкнула. И почему почти любой мужчина может отличить ровную стену от кривой, но хорошо заштукатуренной, но ни один – хорошо заштукатуренную девушку от красивой? Ведь ясно же, что если смыть с брюнеточки с десяток слоёв искусно наложенного макияжа, она ровным счётом ничего не будет из себя представлять.

– Меня девушки не привлекают, так что не берусь судить, – пренебрежительно пожала плечами я.

– А, ну да, у тебя же есть жених.

– Смею верить, они меня не привлекали и до его появления. Если тебе она так приглянулась, что ж ты не ответил взаимностью на её заигрывания?

– Да я не могу, – Жозеф печально вздохнул. – Я ж не человек.

– Боишься, что раскроет?

– Ну, и это тоже, – отчего-то вдруг смутился мужчина и, пресекая дальнейшие расспросы, сменил тему. – Как дела?

– Как всегда отлично, – не без самоиронии отозвалась я. – Если ты хотел узнать насчёт денег, то не беспокойся, я не потратила ни копейки. Всё верну.

– А, деньги. Да я уже и забыл про них.

– Тогда зачем же ты меня окликнул?

– Да так, просто поговорить, – Жозеф одарил меня таким ласковым взглядом, о котором я раньше и мечтать не смела. Сердце не выдержало и учащённо забилось, позорно дезертировав из рядов органов, объявивших болотному упырю забастовку. Ну и ладно, главное, что разум на моей стороне. Как там у Дины? «Детка, запомни – любви не бывает, это в тебе гормоны играют», – поразительно верные слова.

– Отец очень обрадовался, когда услышал, что с тобой всё в порядке, – продолжал Куяшский Аполлон. – Просил передать, чтобы обязательно зашла в гости. Хочет лично извиниться и потолковать по душам. А то ему про свои любимые книги даже поговорить не с кем.

– Ясно, будем считать, что мы помирились, – натянуто улыбнулась я, вовсе не собираясь принимать приглашение: сколько бы Версаль младший не убеждал меня в доброжелательности своего отчима, а всё равно при одной мысли о нём мурашки по коже. – Что читаешь?

– Да вот, изучаю прошлогоднюю подшивку журналов Южно-Африканского центра по исследованию аномальных явлений.

– И как? Пишут что-нибудь интересное?

– Про то, как вернуть вамперлену человеческий облик, увы, ничего.

– Ясно... – Неожиданно мне в голову пришла отличная идея, как помочь одновременно и Жозефу, и Ямачо, коего я, в свете последних событий, считала своим долгом отблагодарить. – А хочешь с моим женихом посоветоваться? Он немного разбирается в фольклористике.

– Нет, – всполошился Жозеф, – никто не должен знать!

– Ну, так ты не прямо, просто поинтересуйся как бы между делом. Скажи, что друг-студент для доклада попросил.

– Нет! Он догадается, зубом чую. Нельзя доверять человеку, чьи предки воздвигли Великую Китайскую стену.

– Он японец.

– Тогда тем более. У них там развитые технологии. Вмонтирует незаметно какой-нибудь жучок в голову, и поминай, как жрали.

Я с силой закусила губы, чтобы не засмеяться: перед глазами предстал Ямачо с жучком (колорадским) в руке, с садистской ухмылкой подкрадывающийся к Жозефу, который, ничего вокруг не замечая, усердно скалится в надежде, что его зуб что-нибудь учует.

Не в силах больше сдерживаться, я поспешно распрощалась с болотным упырём Ёсей, вылетела в коридор и расхохоталась так, что на глаза выступили слёзы. Казалось бы, взрослый человек, читает такие сложные вещи, как журналы Южно-Африканского центра по исследованию аномальных явлений, а эдакую околесицу несёт. Надо ж так рассмешить. Ну и как на него можно злиться?

После перекуса моя работоспособность восстановилась, однако к концу дня я всё равно вымоталась так, что с трудом держалась на ногах. Пелагея Поликарповна, видя, что толку от меня уже не будет, сказала, что я могу быть свободна, как только пройдусь влажной тряпкой по столам в читальном зале. Наверное, если бы я не потратила и без того скудные из-за недосыпа

силы на перелопачивание сотен книг, я бы успешно разделалась с заданием, и, завершив день без приключений, отправилась бы в страну Морфея из собственной кровати. Однако, видя мою усталость, Морфей укоряющее покачал головой и увлёк меня в своё дивное царство прямо в процессе вялого размазывания пыли по полированным поверхностям.

Как и утром, в Морфеевом кинотеатре крутили какой-то бред. На этот раз мне пригрезилось, что я – умирающий Андрей Болконский. Я страдала и билась в агонии, а надо мной рыдали Наташа Ростова и княжна Марья, странно похожая на Пелагею Поликарповну. Потом Наташа неуловимо, как это обычно бывает в снах, перетекла в Жозефа и начала умолять меня спасти мир от гигантского метеорита. Княжна Марья тем временем обернулась Диной Беляной и запела свой прошлогодний хит: «Глобус ты затёр до дыр, но так устроен этот мир». Затем они вдвоём схватили меня под руки, подняли и заставили плясать. Жозеф кружил в танце моё одеревеневшее тело, а я плакала, то ли от счастья, то ли от жалости к себе.

Проснулась я помятой и совершенно разбитой. Вокруг царила кромешная мгла, так что сообразила, где нахожусь, я не сразу. Руки, служившие всё это время моей голове подушкой, онемели и, при первой попытке поднять их, безвольно, как у марионетки на лопнувшей нити, шлёпнулись обратно на стол. Спустя пару мгновений, однако, оцепенение сменилось судорогами, будто бы маленькие проворные человечки крохотными острыми вилами начали очищать мои руки от заполнившей их ваты. В спине и ногах тоже противно покалывало. Прозревая ли эти адские муки, Пелагея Поликарповна решила оставить меня поживать на рабочем месте?

Нашарив кое-как в потёмках выключатель и получив от резко вспыхнувшего света очередной удар по организму, я ошарашено уставилась на настенные часы – почти полночь. Скорее домой! Тётя, наверняка, места себе не находит.

Согласно установленным администрацией в лице Пелагеи Поликарповны правилам, покидая здание, полагалось в целях противопожарной безопасности обесточить его. Собравшись с духом, я опустила рубильник и мелкими шажками стала продвигаться к выходу. За окном преобладало два цвета: чёрный, которым было затянуто небо и чернильно-чёрный, зловещие силуэты, сотканые из которого, вырисовывались на его фоне. Я внимательно всмотрелась в слегка колеблемую на ветру тень знакомого дерева, теперь напоминавшего мифическую горгону. Ну уж нет! Лучше позвоню тёте и скажу, что заночую в библиотеке.

Неловко ощупывая темноту перед собой руками, я двинулась обратно к рубильнику. Ещё немного и мрак за окном отпрянет под натиском мягкого электрического света... В дверь постучали. Тонкий, глухой звук: будто замеченная только что на месте дерева горгона протянула к створке свои кривые шершавые руки. Страх, подобно выплеснутой на меня этим утром ледяной воде, окатил тело. Стук повторился. Я затаила дыхание и в воцарившейся тишине услышала снаружи осторожные шаги. По ближайшему к двери окну скользнула едва различимая тень. Мне не показалось, оно действительно было там. И пришло оно явно по мою душу.

Так, спокойно! Нужно взять себя в руки. Двери заперты, так что внутрь оно проникнуть не сможет. Бояться нечего. Совершенно нечего.

Но тут в моей душе зародилось сомнение, разбившее все попытки успокоить себя. А заперла ли дверь Пелагея Поликарповна? Я сглотнула. Неприятный комок страха, проскользнув по горлу, обосновался внизу живота. В любом случае, на внутренней стороне двери есть щеколда, нужно всего лишь подойти и задвинуть её. Всё будет хорошо, я справлюсь.

Боком, словно в режиме замедленного воспроизведения, я начала подступать к двери, вытянув вперёд дрожащую руку.

Где-то слева раздался тихий, скользкий шлепок, будто на пол упал плотный лист бумаги. Нервы не выдержали и, в два прыжка оказавшись у двери, я что есть силы налегла на щеколду. Та, обдирая мои неловко подставленные пальцы, со скрежетом встала в петлю.

Звучно выдохнув, я без сил опустилась на пол. Теперь бояться нечего.

В следующее мгновение что-то ослепительно-яркое вспыхнуло в нескольких сантиметрах от моей головы. Инстинктивно закрывая лицо ладонями, я успела заметить выхваченный вспышкой из мрака тёмный силуэт. Оно было здесь, прямо напротив меня. Ну почему мне так не везёт?

Глава 8

Откровение от преподобной Мики

Ямада Ямачо считал, что я должна быть преисполнена непомерной благодарности, ведь сам великий фольклорист всея Руси и Японии пришёл мне на выручку. В каком виде – живом или мёртвом, – я буду спасена, лженаречённого, очевидно, не волновало. Иначе, зачем бы ему понадобилось прокрадываться в библиотеку через окно и замахиваться на меня страшной длинной палкой?

Как заявил аспирант, сие орудие – бамбуковый меч, захваченный им в качестве средства самообороны, и называется он синаем. Меня данная деревяшка не очень обнадеживала – против любящей шататься по ночному селу упырино-умалишённой братии самый заваливающий ломик был бы куда эффективней. А этой палкой-копалкой только в дверь тарабанить, чтоб напугать до чёртиков хрупкую, беззащитную девушку вроде меня. Единственное сомнительное достоинство меча – он делал Ямачо похожим на героя фильмов о восточных единоборствах. Тоже мне, Брюс Ли недоделанный.

В весьма мрачном расположении духа я тащила за аспирантом по не менее мрачным улицам, при каждом малейшем шорохе порываясь ухватиться за краешек его футболки, но в последний момент смущённо отдёргивая руку. Никогда ещё я не чувствовала себя настолько маленькой и жалкой. Как бы хотелось, чтобы сейчас рядом был кто-то сильный и надёжный, кто взял бы за руку и сказал: «Ничего не бойся, Анечка, я с тобой». И темнота бы просветлела от нежного сияния глаз, устремлённых на меня, и дрожала бы я уже не от страха, а от его тёплого дыхания на своём лице...

Смачный удар о спину впередиидущего – отличный способ вернуть затюканную ботаншу с небес на землю. Мол, кончай мечтать, убогая, высшие силы уже послали защитника, которого ты достойна – вот он, застыл соляным столбом посреди улицы и смотрит на тебя, как на «лепёшку», оставленную плотно пообедавшей коровой. Если будешь надоедать, ещё и вдарит вон той деревяшкой по темечку так, что темнота мгновенно просветлеет. Все, как и заказывала.

– Чего остановился? – раздосадованная собственными умозаключениями, сварливо пробубнила я.

– Куда теперь?

– Как до библиотеки шёл, так и обратно.

– Как из дома выгнали, так и шёл, – огрызнулся Ямачо, как бы случайно направляя фонарь мне в глаза. – Думаешь, у меня эйдетическая память?

– Больше напоминает топографический кретинизм.

Аспирант обиделся. По крайней мере, мне так показалось, потому как в следующее мгновение он выпустил из рук фонарь и красиво, прямо как в кино, выполнил подсечку ногой с разворота, отправив меня в недолгий, но запоминающийся полёт. Шмякнулась я преобольно и так неудачно, что в правом колене возмущённо щёлкнуло.

Я собралась страшно обидеться на Ямачо и, может быть, даже попытаться дать сдачи, но передумала – в следующую секунду, просвистев ровно над тем местом, где я только что стояла, приземлилось на землю что-то маленькое и круглое. Лязгая, как призрак цепями, загадочное нечто покатило по дороге, и я скорее сердцем почувствовала, нежели разглядела, что это было кадило преподобной Мики. Все обиды как ветром сдуло: гипс на ноге куда лучше дыры в голове.

Обернувшись, я заметила, как тёмная фигура разбойницы нырнула в нишу между покосившимися заборами соседствующих домов. Ямачо, бестактно перепрыгнув через моё трепыхающееся в пыли тело, пустился за ней. Через пару мгновений из проулка донеслись звуки борьбы и жуткое нечеловеческое шипение преподобной Мики. Схватив фонарь, – ему, в отличие от меня, падение не причинило ни малейшего вреда – я попыталась подняться. Нога, на которую пришёлся удар, отозвалась острой, колющей болью. Со стороны проёма опять послышалось шипение, а вслед за ним глухой шлепок и жалобный скрип забора. Интересно, кто кого? А что, если Ямачо проиграет, и преподобная Мика примется за меня?

В голову, заглушая боль, ударил адреналин. Я должна помочь! Пока у нас численное преимущество, ещё есть шансы на победу.

Кое-как пересилив боль, я встала на ноги, подобрала кадило, всё ещё дымящее, как залитый водой костёр, и похромала на поле брани.

Если до этого Ямачо и проигрывал (что сомнительно, судя по затравленному виду его противницы), то моё появление переломило ход сражения. Преподобная Мика, привлечённая грохотом родного кадила, на момент отвлеклась. Это стало её роковой ошибкой. Развернув бамбуковый меч параллельно земле, Ямачо перехватил его двумя руками и сгрёб умалишённую так, что её голова оказалась зажата между его телом сзади и впившимся в шею синаем спереди. Мика, пытаясь вырваться, негодуя взывала, как кошка, которой наступили на хвост, но силы были неравны. Смекнув, что с мечом ей не совладать, желтоглазая ведьма оторвала от него руки и переключилась на лицо захватчика. Пару раз её пальцы скользнули в опасной близости от глаз аспиранта. Ямачо подался назад и ослабил хватку. Мика, молниеносно подсунув пальцы между шеей и мечом, повисла на нём, как спортсмен на перекладине турника.

Положение становилось критическим. Словно в кошмарном сне, я видела, как обрушиваются сдерживающие нашего противника деревянные оковы. Мгновение – и синай с глухим стуком приземлился на землю. Сумасшедшая была свободна. Неужели это конец? Не помня себя от ужаса, я подалась вперёд и махнула кадилом прямо перед её лицом.

– Фшааааа! – злобно оскалилась на меня преподобная Мика.

– Фшаааааааа! – с удвоенным энтузиазмом отозвалась я.

Ямачо оторопел. Умалишённая, к счастью, тоже. Ещё бы, выглядела я, должно быть, впечатляюще: вся грязная, волосы растрёпаны, стою враскоряку из-за больной ноги, размахиваю попеременно то фонарём, то кадилом, да ещё шиплю, как масло на раскалённой сковородке. Пришла бы в таком виде на кастинг фильма ужасов, наверняка получила бы роль главного монстра.

– Фшииии! – будто огрызаясь, прошипела Мика.

– Фшииии! Фшаааааа! – раскручивая кадило над головой на манер пропеллера, усмирила её пыл я.

Мой подельник нагло бездействовал.

– Чего стоишь? – набросилась я на него. – Хватай её скорее!

– Зачем? По-моему, вы нашли общий язык.

Я вновь уподобилось калёному железу, сунутому под струю воды. Ямачо смиренно изобразил жест «сдаюсь» и скрутил руки почти не сопротивляющейся Мики у неё за спиной.

– Мы не желаем тебе зла, – тоном прожжённого политика, вышедшего на мирные переговоры, известил рыжую бестию он. – Если пообещаешь вести себя хорошо, мы тебя отпустим.

Я собралась возразить, что не намерена отпускать эту ненормальную до тех пор, пока сюда не явятся работники психбольницы со смиренными рубашками, но из-за перевозбуждения, вызванного экстренной мобилизацией организма, опять получилось какое-то нечленораздельное клокотание. Ямачо и преподобная Мика воззрились на меня с таким видом, будто я была оборотнем, на их глазах приступившим к смене ипостаси.

– Опустит кадило, она тебя не тронет, – всё тем же дипломатическим тоном обратился ко мне аспирант.

Мика согласно закивала.

Что, теперь получается я тут главная злодейка? Добро объединилось со злом, чтобы победить ещё большее зло? Прекрасно! Очаровательно! Давайте они ещё теперь поженятся, а я приму постриг и стану преподобной Микой номер два – преподобной Аней.

Злость сменилась апатией, прилив сил – усталостью, и кадило легко выскользнуло из моих обессиленных рук: пусть эти изверги делают, что хотят, но клянусь, мой призрак будет преследовать их до смертного одра.

– Козлодоина, – явно копируя миротворческие интонации Ямачо, протянула преподобная Мика, – уходи отсюда, тебе здесь не рады.

– Скажи это ему, – раздосадовано огрызнулась я, кивая на предателя. – Это он меня в село приволок.

– Тебе здесь тоже не рады, – охотно подтвердила полоумная, повернувшись к аспиранту.

– Кто не рад? – будто ведущий допрос следователь отозвался тот.

Мика молчала. Ямачо задумчиво сложил руки на груди и, медленно обогнув «подозреваемую», остановился напротив неё бок о бок со мной. Мне не понравилось, что он отпустил умалишённую, но так как она не предприняла попыток ни к бегству, ни к нападению, озвучивать свои опасения я не стала.

– Кто не рад? – с нажимом повторил Ямачо. – Почему ты на нас напала?

Я, войдя в образ помощника следователя, направила фонарь Мике в лицо, но «шеф», раздражённо цокнув языком, отобрал игрушку.

Рыжая bestия, опустив голову, недоверчиво зыркала на нас исподлобья.

– Богиня! – наконец, чуть слышно прошептала она. – Богиня возложила на Мику миссию. Мика должна защищать село от чужаков. Мика должна помешать им творить зло.

– Обещаю, мы не станем делать ничего такого, что...

– Не вы! – гневно перебила Ямачо умалишённая. – Те, что пришли до вас. Они другие. Богиня почувствовала в их намерениях зло и призвала Мику. Мика должна помешать чужакам. Такова её миссия.

– Расскажи поподробнее. Мы с Козлодоиной – аспирант кивнул на меня, – на твоей стороне.

– На стороне Мики только Богиня! Вы чужаки, вы будете только мешать. Уходите отсюда, вам здесь не рады!

С этими словами девушка подхватила своё кадило, мотнула им в нашу сторону, будто кулаком, и выбежала из закоулка. Я ожидала, что Ямачо погонится за ней, но он даже не шелохнулся.

– Что это было? – с истерической ноткой в голосе спросила я.

– Занятная информация к размышлению.

– Хочешь сказать, что поверил в тот бред, который она тут наплела про Богиню и миссию?

– У меня нет причин не верить.

– Она сумасшедшая – чем не причина?

– Восприятие душевнобольных часто искажено, как отражение в кривом зеркале, но, тем не менее, они не безумцы. Безумцы – те, кто не может распознать истинной сущности этого отражения и считает его бессмыслицей.

– Какой ты, оказывается, толерантный. Или просто любишь психов? Впрочем, чему я удивляюсь, ты ведь и сам псих.

Кажется, мои слова нешуточно заделали Ямачо. На секунду мне даже показалось, будто он меня сейчас ударит. К счастью, либо действительно показалось, либо он сумел взять себя в руки – после всего пережитого как-то особенно хотелось жить.

– Предлагаю отчалить отсюда, пока на шум не слетелся кто-нибудь ещё, – как ни в чём не бывало заговорил аспирант. – К твоему удовольствию сознаюсь, что не очень хорошо владею навыками борьбы вслепую.

– Ну, я посвечу фонариком, если что, – примирительно улыбнулась я, радуясь, что очередной ссоры удалось избежать.

Теперь оставалась только одна проблема. Нога, хотя по всем признакам и не была сломана, исполнять свою опорно-двигательную функцию отказывалась категорически. Идею попросить о помощи Ямачо я зарезала на корню: всё-таки хотелось свой первый раз в роли подвернувшей ногу прекрасной дамы провести на руках у какого-нибудь более благородного рыцаря.

– Где ты там опять застряла? – Свет фонарика распял мою встрепенувшуюся тень на ближайшем заборе.

– Иди вперёд. Погода хорошая, прогуляться хочется.

– С парой местных упырей?

– Тссс! – прижала палец к губам я. – Что, если они нас услышат?

– Это вряд ли. Я наткнулся на них по пути в библиотеку. К тому моменту они уже выполнили ежедневный норматив по надоям.

– Ты встретил Жозефа и Николя? И что случилось?

– Поздоровались, поболтали о погоде.

– Шутишь?

– Отвечаю на глупый вопрос.

Я облегчённо вздохнула.

– Но всё равно лучше потише. Вдруг они решат вернуться.

– Вряд ли они осмелятся подойти: ты сейчас – точная копия преподобной Мики, – с издёвкой успокоил меня фольклорист.

– И кто в этом виноват?

– Кто-то, кто обладает заторможенной реакцией и засиживается на работе до полуночи, – без зазрения совести ответил виновник моей неспособности к передвижению. – Ладно, что там у тебя?

– Я же говорю, всё в порядке.

– А если серьёзно?

– Ты отломил мне ногу, – мстительно съязвила я. – Но у меня уже отросла другая. Только вот она ещё совсем новая и двигается со скрипом.

– Ну что за дар привлекать неприятности, – утомлённо вздохнул лженаречённый, тем не менее, возвращаясь за мной.

– Не волнуйся, что бы ни случилось, главной привлечённой мной неприятностью навсегда останешься ты.

– Я польщён, – насмешливо шепнул парень, наклонившись к самому моему уху. То ментально вспыхнуло, словно обожжённое его дыханием, и я на мгновение потеряла грань между реальным миром и волшебным царством любовных романов, сотворённым моей фантазией.

Странное наваждение, однако, длилось недолго, ибо лженаречённый взвалил меня на закорки так же бережно, как мешок с картошкой

– Хм, забытое чувство, – ностальгически протянул он.

– Были времена, когда ты носил девушек на руках? – не удержалась я.

– Подрабатывал на продуктовом складе.

– То-то я чувствую себя мешком с картошкой. Смотри только не урони. Я тебе не картошка: меня, если рассыплешь, уже так просто не соберёшь.

– Это пазл на тысячу кусочков так просто не соберёшь, – цинично отозвался подо мной аспирант.

И всё же, несмотря на сие замечание, он стал ступать осторожней.

Глава 9

Призраки спокойной жизни

Странно, но даже в таком противоречащем чуть ли ни всем законам мироздания месте, как Крутой Куяш, жизнь могла течь своим чередом.

Лето подошло к концу, а капризная погода всё никак не могла определиться, какой сезон примерить на себя следующим: то она облачала село в жар сорокаградусного пекла, то укутывала рваными клочьями промозглого тумана, то спрыскивала противной, пробирающей до костей изморосью. Однажды небесная канцелярия даже сотворила снежный буран, из-за которого мне пришлось-таки заночевать на работе. Но в этот раз я была не одна: Пелагея Поликарповна тоже осталась, решив не переохлаждать свои подёрнутые первым артритом суставы. Вечерок выдался тот ещё. Владычица книгохранилища, доселе не утруждавшая себя задушевными беседами с единственной подчинённой, ни с того, ни с сего принялась выпытывать подробности моей скудной биографии. С меня разговор плавно перетёк на моих родственников, и, слово за слово, мы с начальницей составили генеалогическое древо рода Кротопупс. Тот факт, что вплоть до бабушки все мои предки по материнской линии – уроженцы Крутого Куяша, Пелагею Поликарповну почему-то несказанно обрадовал.

– В вас течёт благородная кровь, Кротопупс, – с напускной важностью сообщила она. – Ничего не поделаешь, придётся мне взять на себя бремя вашего надлежащего морального возвращения.

«Моральное возвращение» вылилось в то, что к моим служебным обязанностям добавился вдумчивый анализ выбранных начальницей книг, в основном эзотерических. Поскольку читать я обожала, данная необходимость меня ничуть не тяготила, напротив, она внесла приятное разнообразие в трудовые будни. Правда, чтобы разобраться в смысле особо сложных трактатов, мне порой приходилось засиживаться на работе допоздна. Но даже этот минус вскоре обернулся плюсом: темнело всё раньше, и начальница, очевидно, не желая нести ответственность за моё съедение Куяшским чудищем, настояла на том, чтобы я выполняла задания дома, взамен предложив сократить мой официальный рабочий день. Я с радостью согласилась и попросила разрешения приходить на работу попозже, дабы иметь возможность хоть немного восполнить силы после бессонной ночи, проведённой над книгами. Сначала Пелагея Поликарповна отказала, но после недолгих уговоров пошла на попятную, признав, что с недосыпа я и правда похожу на частично воскресшего мертвеца, для серьёзной, вдумчивой работы не пригодного. Так как вину за прогул я уже искупила, в срок проверив все книги на наличие библиотечных штампов, мы вернулись к прежнему уговору: я должным образом исполняю свои служебные обязанности, а начальница закрывает глаза на мои опоздания.

Увы, как только я стала приходить в библиотеку позже, конец пришёл не только бесчеловечным побудкам, которые мне устраивал лженаречённый, но и нашему с Жозефом общению. Лишь раз, запоздало спеша на работу, я столкнулась с ним в дверях.

– Салют! – просиял тогда Куяшский Аполлон, и, выслушав ответное приветствие, сокрушённо добавил: – Жаль, что у тебя так поздно смена начинается, даже поболтать некогда.

– Что поделать... А ты домой уже?

– Да. Крови с ночи не пил, скоро кожа сереть начнёт. У меня, конечно, есть с собой доза на всякий пожарный, но её ж разогреть где-то надо, она у нас только тёпленькая усваивается.

– Может, на батарееке разогреешь? – с наигранной любезностью поглумилась я.

– Да не. – Жозеф, как всегда, воспринял мои слова предельно серьёзно. – Боюсь, свернётся. Лучше домой пойду, у нас там специальная фиговина есть.

Устройство "фиговины", наверняка, заинтересовало бы Ямачо, но вызнать его мне не удалось: в тот день Куяшский Аполлон спешил, а вставать пораньше ради того, чтобы помочь лженаречённому, я не собиралась из принципа. Вот если бы он изначально вёл себя достойно и, вместо того, чтобы стращать меня Версалями, попросил по-хорошему...

Впрочем, аспирант и его исследования меня вообще теперь мало волновали, ибо случилось прекрасное: я подружилась с Бадей и её помощницей, улыбчивой девушкой по имени Ляля. Они обе оказались замечательными людьми, а Бадя к тому же, как выяснилось, разделяла моё увлечение творчеством Дины Беяны. Мне больше не приходилось слушать любимую исполнительницу украдкой за закрытыми дверями комнаты (тёте «скуление» певицы напоминало о голодном послевоенном детстве, а лженаречённый и вовсе грозился выбросить любой предмет, из которого раздастся Динин вой). Теперь мы с подругами нередко, расположившись на живописной лужайке, уминали разную вкуснятину под волшебные звуки Беяниного пения.

– Хорошо-то как, – блаженно вздохнула я как-то раз, во время одного из таких походов, когда мы с Лялей, лениво дожёвывая бутерброды, наблюдали, как Бадя носится по лугу с сачком для бабочек.

– Точно, – поддержала меня девушка.

– Бесконечно можно смотреть на три вещи: как горит огонь, как течёт вода и как ловит бабочек Бадя, – пошутила я.

Ляля опустила голову, и курчавая копна коротких медового цвета волос затряслась от смеха. Я же едва не расплакалась от счастья, мысленно благодаря судьбу за то, что наконец-то появился человек, оценивший моё чувство юмора. Хотя, как ни досадно признавать, благодарить мне следовало не судьбу, а ниспосланного ей лжежениха. Будучи домоседкой, я не выбиралась никуда, помимо работы. Бадя же была слишком занята обязанностями старосты села. Собственно, эти обязанности её в наш дом и привели: как глава Крутого Куяша девочка считала своим долгом лично поприветствовать нового поселенца в лице аспиранта. (Меня, правда, в своё время такой чести не удостоили, но я не обижалась.) Несмотря на всю подозрительность и нелюбезность, с которой её встретил новичок, девочка, мечтательно проворковав, что его приезд наверняка принесёт в скучную деревенскую жизнь много нового и интересного, предложила нам всем стать друзьями. Фольклорист сим предложением побрезговал, зато мы с Бадей с тех пор стали не разлей вода. Думаю, теперь я была ей даже ближе, чем Ляля, хотя эту добрую, заботливую девушку такой поворот ни капли не расстроил. Напротив, она обрадовалась, что её лучшая подруга привязалась к кому-то, помимо неё.

– Твоя дружба очень помогает Баде. Когда ты рядом, она позволяет себе расслабиться и побыть обычной маленькой девочкой, – рассказывала Ляля, с умилением глядя на размахивающую сачком кроху. – Бадя, конечно, гений, но груз, который она на себя взяла, превосходит её возможности. Она пытается скрывать свои чувства, но я-то вижу, как ей на самом деле тяжело...

– А почему она вообще стала старостой?

– Ты же слышала, что родители Бади безумно богаты? Они выкупили для неё это село. Надеялись сделать для дочери что-то вроде помещицкого имения. В будущем ей предстоит управлять огромной компанией, так что роль старосты Крутого Куяша – хорошая тренировка.

– Ого!

– Надеюсь, то, что я рассказала о Баде, не отвратит тебя от неё? – спохватилась Ляля. – Мне бы хотелось, чтобы ты и дальше относилась к ней, как к обычной девочке.

– О чём речь? – возмутилась я. Разве такая мелочь, как разница в социальных статусах, могла отвратить меня от подруги? Время, проведённое с Лялей и Бадей, казалось волшебным сном. Привыкшая к одиночеству и непониманию, я всегда считала возможность водить дружбу

с людьми, имеющими схожие взгляды на жизнь, неосуществимой мечтой. Но теперь эта мечта воплотилась в реальность: они были рядом, мои первые близкие подруги, и мы могли болтать сколько душе угодно.

Благодаря поддержке Бади и Ляли, я с лёгкостью пережила даже дурную славу, свалившуюся на меня из-за Ямачо: наш с ним и Вадькой якобы любовный треугольник на некоторое время стал главной сплетней села. Причём, как ни возмутительно, жертвой в этой ситуации выставили Вадьку. Мол, испорченная городская девчонка поматросила и бросила наивного деревенского дурачка ради брака с богатым иностранцем.

Ситуация усугубилась, когда парочка особо назойливых кумушек, подкараулив Ямачо, выведала у этого недоговаривающего правдолюбца, что познакомились мы в Интернете (или "по компьютеру", как судачили позже), впервые встретились ночью у меня дома, а уже на следующий день после этого он сделал мне предложение. Благодаря сему чистосердечному признанию, переходящая из уст уста фраза: "А по виду и не скажешь", тенью следовала за мной, куда бы я не направлялась. Молодые же парни, напротив, стали смотреть на меня с уважением. Мол, раз захотел жениться сразу после личного знакомства – девка своё дело знает. Хорошо, что хоть подкатывать с непристойными предложениями никто не осмелился.

Бурление сплетен поутихло, лишь когда несчастный Ромео, не в силах больше выносить соседства изменницы-Джульетты, убежал зализывать раны к своей бывшей девушке, славившейся, как говорили, достойной меня распушенностью. И опять все принялись жалеть Вадьку, провозглашая его невинной овечкой, заблудшей в логово очередного коварного волка.

Окончательно всеобщий интерес к моей личной жизни увял с наступлением осени, ибо у любителей почесать языками появилась куда более важная тема для перетирания: грандиозное гуляние, которое готовила Бадя. Главным предметом словесных баталий выступал повод сего торжества: одни считали, что грядёт Праздник сбора урожая, другие настаивали, что отмечаться будет День села. И лишь одна я знала, что заблуждаются и те и другие. На мой вопрос о поводе Бадя легкомысленно заявила, что он в таких вещах – дело десятое, и, прежде чем приступить к обдумыванию мелочей, нужно завершить приготовления, коих, по её словам, предстояло немерено.

За полторы недели до назначенной даты выяснилось, что, несмотря на помощь Ляли, дело спорится очень медленно и, чтобы завершить всё к сроку, придётся набирать волонтеров. Я тут же предложила свою кандидатуру, в ответ на вопрос о работе соврав, что уже взяла недельный отгул. Самое удивительное, воплотить ложь в реальность удалось без труда. Всё, что от меня потребовала Пелагея Поликарповна: каждый день заглядывать в библиотеку, дабы отчитаться по очередной книге из списка воспитательной литературы. Разбавлять приятные предпраздничные хлопоты в компании лучших подруг чтением нудной эзотерики не хотелось, посему я решила расправиться с недельным нормативом ещё до начала отпуска. И всё бы хорошо, но на пути моём возникло непреодолимое препятствие: испепеляющая жара, накрывшая село в выходные.

Я сидела за кухонным столом, положив мокрое от пота лицо на закрытую книгу, последнюю из списка, и, как назло, самую толстую. Долгие восемьсот страниц микроскопического текста, в котором автор скрупулёзно анализировал мыслительный процесс, а затем на основании каких-то невразумительных умозаключений делал вывод о том, что мысль материальна, я уже осилила. Оставалась самая малость: пятидесятистраничный раздел под интригующим названием «Практическая часть». Как ни прискорбно, приступить к его прочтению оказалось выше моих сил. Я оторвала голову от стола, лишь когда ставшая невыносимой жажда победила усталость. На последнем издыхании я подползла к холодильнику, но попить не удалось – ранее сунутый в морозилку компот превратился в кусок льда. Чтобы ускорить смену напитком агрегатного состояния, я заключила кастрюлю в свои жаркие объятия. Процесс пошёл, но всё равно

очень медленно. Зато, благодаря исходившей от кастрюли прохладе, уже через пару минут я взбодрилась настолько, чтобы заставить себя вновь открыть книгу.

Практическая часть представляла собой набор упражнений по материализации мыслей. Если верить составителю учебника, при должной практике я могла вызвать к жизни любое порождение своих фантазий. Для этого мне предлагалось как можно отчётливей представить вожделенный объект, а, если мысленно воспроизвести доподлинный образ не удаётся, запечатлеть его на бумаге и долго гипнотизировать взглядом. Я решила не мелочиться и опробовать метод, нарисовав самое необходимое мне в этой жизни существо – своего Прекрасного Принца. Стремясь выразить на лице Господина Совершенство все присущие ему положительные качества, я так расстаралась, что тот сделался похож на тролля, страдающего мучительным запором. Разумеется, замуж за человека, хоть отдалённо напоминающего написанную мной картину, я не пошла бы даже под угрозой расстрела. Посему, покончив с рисованием, я приступила к изучению других способов материализации своих мыслей, увы, оказавшихся ещё более сложными и запутанными. Трактат закончился как-то внезапно и на самом интересном месте. Разочарованно фыркнув, я отложила книгу и мстительно поставила на портрете так и не материализовавшегося тролля жирный крест. А вот выкинуть рисунок рука не поднялась – всё-таки почти час на него убила – посему, выведя под перечёркнутым монстром надпись: «Ямачо вход воспрещён», я прикрепила листок на дверь своей спальни.

Модель портрета вернулась лишь на закате.

– Есть кто дома? – донёсся из коридора её усталый голос.

– Угу, – в изнеможении полужёла на кухонном столе, промычала я. – А тебя где носило по такой жаре?

– Где обычно. – Аспирант изнурённо зевнул и, не дожидаясь дальнейший расспросов, уполз наверх.

Не удержавшись, я последовала за ним: уж очень хотелось увидеть, как он отреагирует на карикатуру. Увы, к тому времени, когда ослабшие от жары ноги донесли меня до последней ступеньки, фольклорист уже скрылся за дверями своей комнаты. Сперва я решила, что он проигнорировал мой шедевр, но, бросив взгляд на рисунок, обнаружила на нём дополнение в виде залихватски перекинутой через плечо тролля косы. Раздражённо скомкав портрет, я ворвалась в комнату лженаречённого, да так и замерла с возведённой для броска рукой.

– Почему у тебя прохладно, хотя во всём доме невыносимая жара?

Фольклорист загадочно ухмыльнулся.

– Это нечестно! Давай меняться комнатами!

– Не поможет. Впрочем, если ты хорошо попросишь...

– Умоляю! – Не дожидаясь, пока он скажет, о чём именно следует простить, я бухнулась на колени. – Ещё пара часов в этом аду, и я помру в расцвете лет.

Мимика у Ямачо была не то, чтобы богатой, но на редкость выразительной. Вот теперь, например, по его лицу я со стопроцентной уверенностью могла сказать: мне только что поставили диагноз «белая горячка».

– Алкогольного ничего не пила, – оскорблённо выпалила я и, немного подумав, добавила: – Только, разве что, компот. Он немного подкис на жаре.

Выражение лица аспиранта опять сказало всё за него.

– Да, не спорю, мозги тоже изрядно подкисли, – подтвердила я. – Так ты мне поможешь?

– Пошли, – обречённо согласился он.

Я ожидала чего угодно. Например, что Ямачо поставит мне в комнату портативный кондиционер или протянет от холодильника специальную трубу, но то, что он учудил, не лезло ни в какие ворота.

– Ты ведь меня разыгрываешь? – с нервным смешком уточнила я, наблюдая за тем, как без пяти минут кандидат наук ставит на странную пентаграмму, до этого начертанную под моей кроватью, блюдечко с молоком.

– Отнюдь. – Аспирант поднялся с корточек и с чувством выполненного долга отряхнул руки. – Готово.

– И что мне теперь делать? – с сарказмом спросила я. – Исполнить вокруг этой композиции шаманскую пляску с бубном?

– Пляску с бубном лучше исполни во дворе, – посоветовал фольклорист, уже стоя в дверях, – нашей мессии не помешает помощь в борьбе с упырями.

Как ни странно, нелепый метод Ямачо подействовал: спустя пару часов по комнате распространилась спасительная прохлада. Однако вместе с тем в спальне стало как-то жутковато. Я долго не могла заснуть из-за ощущения, что нахожусь не в тётинном доме, а в чьём-то фамильном склепе. Когда же дрёме таки удалось затащить меня в свой омут, я увидела необычайно красочный, реалистичный сон, в котором играла с оравой весело твякующих полуразложившихся собак.

Несколько раз проснувшись в холодном поту, я, наконец, не выдержала и потащилась в соседнюю комнату. Стук в дверь не возымел эффекта, потому я с чистой совестью вломилась в спальню лженаречённого и, уже не опасаясь разбудить тётю, громко позвала его.

– Умм? – после третьего оклика сонно отозвался Ямачо.

– Что ты сделал с моей комнатой?

– В смысле?

– Там холодно, как зимой в подвале, а ещё мне всю ночь снятся какие-то зомбопёсики.

– Собаки? – изумился лженаречённый. – Удивительно.

– Что тут удивительного?

– Момент. – Аспирант откинул одеяло, поёжился и, спешно натянув джинсы, подошёл к столу. Я на секунду зажмурилась, ослеплённая вспыхнувшим светом, а затем, спохватившись, смущённо одёрнула свои короткие – всего до колена – пижамные панталоны в цветочек. Линялая папина майка с логотипом «Спартак – чемпион» вроде бы не просвечивала и выглядела прилично. На майке Ямачо, кстати, тоже был изображён силуэт человека с мячом, так что со стороны мы походили на футбольных фанатов, собравшихся на тайное совещание. Впечатление это усиливал и приглушённый голос, которым заговорил фольклорист:

– Та пентаграмма притягивает фантомы недавно издохших домашних животных. Электроволновые двойники мертвецов имеют отрицательную температуру. За счёт этого температура в помещении, где концентрируются фантомы, также понижается. Но то, что ты почувствовала их присутствие, весьма странно. Даже я ничего не ощущаю, хоть и умею проводить обряд призыва.

От шока я смогла заговорить не сразу.

– Ты...ты... призраков умеешь вызывать?

– Да, но на это в той или иной степени способен почти каждый человек. Вот твой случай куда интересней. У тебя в роду был кто-нибудь необычный?

– По папиной линии нет, а по маминой... По маминой у нас все странные. Вот взять хотя бы фамилию эту дурацкую, которая даже от матерей детям передаётся и которую менять не разрешается.

– Кротопупс?

– Да.

– Здесь в Куяше, смотрю, вообще в моде «звериные» фамилии.

– Угу. Это, вроде, как признак древности рода, принадлежности к местной элите. Мои предки по маминой линии, например, к военному сословию принадлежали. У нашего рода даже герб свой есть: крот, восседающий на крестовине меча, пронзающего кучу поверженных врагов. Глупо, да?

– Отнюдь. В этом определённно есть смысл.

– В вооружённом кроте?

Ямачо посмотрел на меня, как на последнюю идиотку:

– Иди спать.

– Не могу, пока в моей спальне резвятся дохлые собаки.

– Здесь вообще-то тоже.

Стоило осознать слова лженаречённого, на коже выступили мурашки.

– Как насчёт обряда экзорцизма? – с надеждой спросила я.

– Обратись к нашей мессии. Вон она под окнами шастает.

– Шутишь?

– Серьёзно. – Аспирант демонстративно помахал рукой перед окном. Клянусь, секундой позже с улицы донёсся лязг кадила.

Не помня себя от ужаса, я подскочила к столу и выключила настольную лампу.

– А по-моему, ты зря её боишься, – флегматично рассудил фольклорист. – После того случая с кадиллом наша мессия поняла, что у вас с ней много общего и...

– Спокойной ночи! – раздражённо оборвала его я и, гордо вздёрнув подбородок, продефилировала в коридор, напоследок негромко – чтобы не разбудить тётю – но довольно ощутимо хлопнув дверь.

Остаток ночи я провела в чулане под лестницей, на всякий случай очертив вокруг себя мелком от тараканов круг. Если верить «Вию» Гоголя, сей нехитрый ритуал должен был защитить меня от нечисти. Помогло или нет – не знаю, но до рассвета потусторонние силы меня не беспокоили.

Ночные страхи поблекли с наступлением утра, а потом и вовсе забылись: приготовления к осеннему гулянию отнимали столько сил, что на бессонницу их уже не оставалось.

Глава 10

В темпе вальса

Нашими с подругами стараниями подготовка была завершена в срок, и скрипучие двери Бадиной землянки гостеприимно распахнулись по случаю очередного сельского праздника. С поводом староста так и не определилась, потому на пригласительных билетах значилось следующее: «Дорогие друзья! 15 сентября для вас в Подземном актовом зале ССУ! (праздник Села и Сбора Урожая)».

Я собиралась появиться на торжестве заранее и помочь подругам с приёмом гостей, но тётя заявила, что мы обязаны дожидаться Ямачо, как обычно где-то пропадавшего. Несмотря на обещание вернуться пораньше, лженаречённый безбожно опаздывал, а все мои попытки улизнуть без него тётя воспринимала в штыки.

– Эх, Анечка, нельзя так с мужиками обращаться, – в очередной раз вздохнула она, когда я решительно отказалась отправиться на поиски канувшего в лету «будущего мужа». – Он вот терпит, терпит, а потом плюнет и уйдёт под крылышко к более ласковой да пригожей. Хорошие мужики сейчас на вес золота, их на руках носить надо.

Я скептически хмыкнула, и с недовольством отметила, что получилось совсем как у лже-возлюбленного. Похоже, это заразно.

Ямачо всё же соизволил вернуться, и спустя несколько часов после начала гулянья мы всей «семьёй» добрались-таки до подземного храма. Моё появление, как ни старалась я в этот раз выглядеть неприметно, снова приковало всеобщее внимание.

– Не запчасты для велосипеда, так дедушкин фиолетовый пиджак, – хихикнул кто-то прямо за спиной.

Я покраснела и инстинктивно обхватила себя руками. И вовсе не дедушкин фиолетовый, а мамин розовый. Ну да, он немного испортился после того, как я постирала его с джинсами, но всё равно очень красивый. Каждый раз, когда его надеваю, кажется, будто мама со мной – это успокаивает.

– Приветики! – разгоняя мысли о наряде, на меня налетело нечто, источающее терпкое цветочное зловоние.

Ямачо, зажав нос, поспешно ретировался.

– Ты кто? – стараясь не дышать, я отстранила от себя чрезмерно благоухающую дешёвыми духами девицу.

– Это ж я, Люся, твоя подруга, – невинно захлопало глазами смердящее создание.

Я вгляделась в лицо «подруги» и с досадой узнала в ней любительницу бананов из библиотеки.

– С каких это пор мы подруги?

– Ну как же! – всплеснула руками Люся. – Мы ж обе любим Жозефа, но спим с Вадькой!

– Так это ты та самая девушка, у которой он сейчас живёт? – с опаской осведомилась я.

– Ага. Знамо, на роду написано нам быть подругами.

– Ну, как тебе сказать. Вообще-то, у меня с Вадькой ничего нет. И к Жозефу я равнодушна. Так что, жаль тебя расстраивать, но не судьба нам быть подругами. Может, в следующей жизни. До встречи там.

Я, подчёркнуто вежливо улыбнувшись, попыталась улизнуть, но Люся схватила меня за рукав.

– Меня не проведёшь. – Девушка коварно сверкнула глазами. – Ты ж вся слюной исходишь, когда на Жозефа глядишь.

На моих щёках, как чернильные пятна на промокашке, проступил румянец. И почему мои чувства замечают только те, кто хочет втоптать их в грязь?

– Ну, допустим, Жозеф мне немножко нравился. Но у меня есть жених и...

– Кстати, а где он? – Люся возбуждённо закрутила головой. – Как так получилось, что я ещё ни разу его не видела.

– Где-то здесь, – пространно ответила я, радуясь, что на чувствительный нюх лженаречённого Люсины духи подействовали не хуже пахучих ферментов сунса.

– Красавец, наверное? И богатый? – с неистовым блеском в глазах набросилась на меня самопровозглашённая подруга.

Я тяжело вздохнула. Ну, почему я должна обсуждать одну ошибку природы с другой? Кто-нибудь, избавьте меня от этого!

Словно в ответ на сию безмолвную мольбу Люся, мгновенно потеряв интерес к моей личной жизни, захлопала в ладоши и восторженно завизжала:

– А-а-а! Жозеф! Жозеф тут!

Я обернулась и увидела Куяшского Аполлона. Он тоже заметил меня. Но не успела я кивнуть в знак приветствия, как лёгкое движение в зале всколыхнуло стоящих у двери людей, словно чья-то незримая рука решила поменять расстановку шахматных фигур на доске. Пешки отступили, открывая моему взору чёрного короля. Рядом с Жозефом стоял Николая. Он по-прежнему казался мне самым ужасным из того, что я повидала в жизни, но сегодня, по крайней мере, его кожа не просвечивала и имела естественный для человека розоватый оттенок.

– Ого, даже Николая тут! – не замечая бледности, в момент стёршей с моего лица все положительные эмоции, захлопала в ладоши Люся. – Надо автограф взять! Есть бумажка с ручкой?.. Эй, Аннет? Э-эй?

Девушка замахала рукой перед моим носом. Когда она убрала её, Николай уже снова скрылся в толпе.

– Прости. – С дрожью в голосе совладать удавалось плохо. – Ни ручки, ни бумаги нет.

подавив желание пуститься наутёк, я завертела головой, надеясь высмотреть в толпе Ямачо. Попытка оказалась тщетной, зато у полукруглой сцены я обнаружила Бадю и Лялю. Подруги о чём-то горячо спорили, причём на полном серьёзе, а не шуточно, как обычно. Прежде, чем я успела к ним приблизиться, староста, раздражённо выплюнув какую-то короткую фразу, убежала прочь. Ляля же изящными маленькими шажками поднялась на сцену и несколько раз хлопнула в ладоши, привлекая внимание.

– Дамы и господа, – приветливо начала она.

– Нету таких! Только бабы да мужики! – раздался из толпы голос не первой трезвости.

Остальные поддержали его дружным хохотом.

Ляля, добродушно рассмеявшись, продолжила:

– Бадигульжамал пришлось покинуть нас из-за плохого самочувствия, поэтому вести вечер буду я.

По толпе пробежал разочарованный шепоток, но девушка сделала вид, что ничего не заметила.

– Раз уж такой талантливый и известный человек, как Николай Версаль, почтил нас своим присутствием, будет великим упущением не предоставить ему слово. – Ляля посмотрела куда-то в скрытую от моего взора часть зала. – Николай, прошу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.